

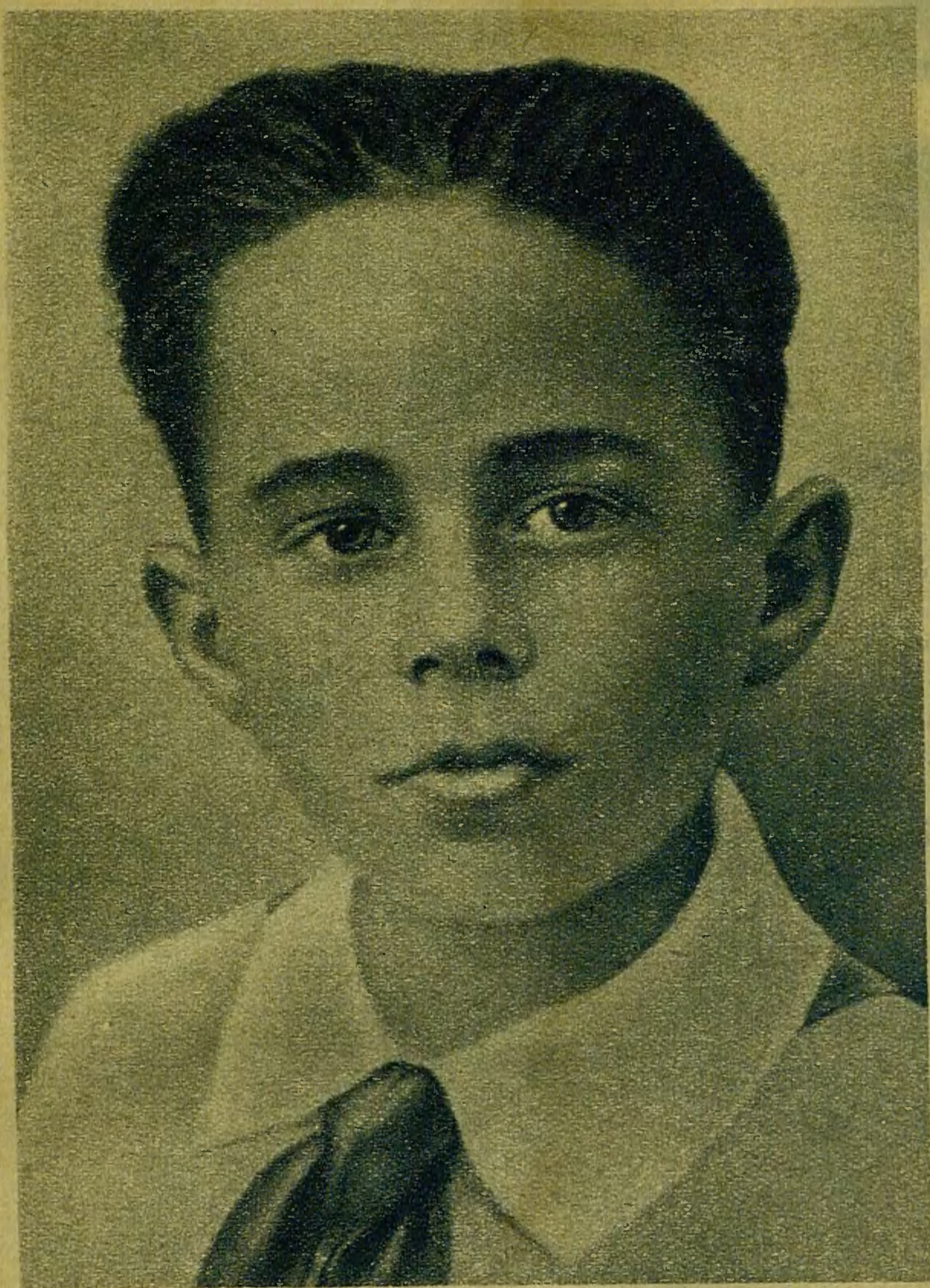
*Лев Кассиль
Макс Поляновский*

В ПОДЗЕМНОЙ КРЕПОСТИ

Детгиз ~ 1951

79

ВОЛОДЯ ДУБИНИН

59

К-28

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ЛЕВ КАССИЛЬ
МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

В ПОДЗЕМНОЙ
КРЕПОСТИ

40590 22880
22880 26504

74

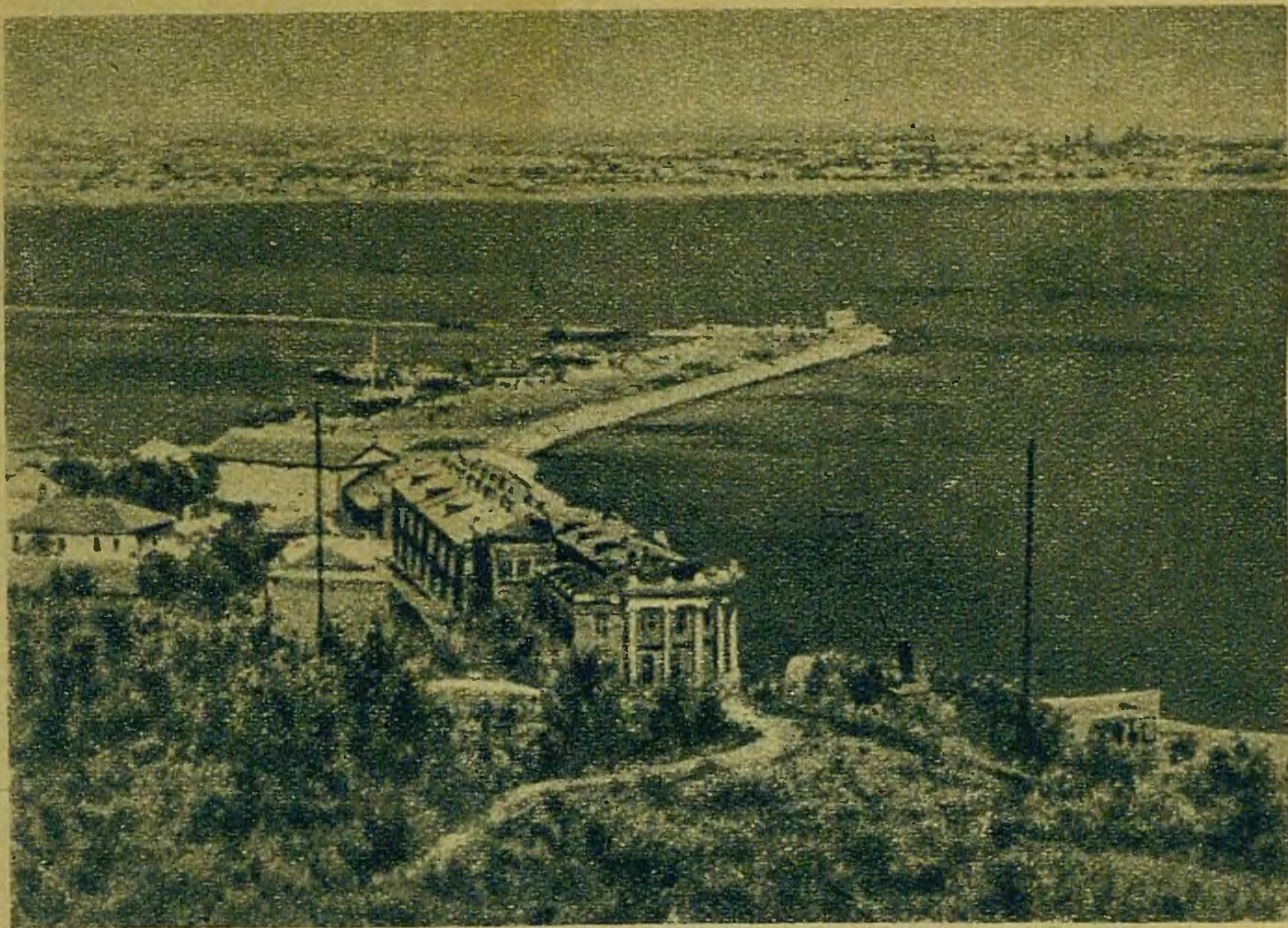
Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград

Решением Совета Министров СССР
КАССИЛЮ Льву Абрамовичу и
ПОЛЯНОВСКОМУ Максиму Леонидо-
вичу за повесть «Улица младшего
сына» присуждена Сталинская
премия третьей степени за 1950 год.

Книга «В подземной крепости»
является частью повести «Улица
младшего сына».

696124 КХ РСР

Российская государственная
детская библиотека

Керчь. Вид с горы Митридат.

ВОЛОДЯ ДУБИНИН

(предисловие)

Всё, что рассказано в этой книжке, правда. В ней нет ничего выдуманного.

Если вы попадёте в крымский город Керчь, стоящий на слиянии двух морей — Чёрного и Азовского, — и пойдёте по главной улице города, улице Лёнина, на одном из перекрёстков вам бросится в глаза табличка: «Улица Володи Дубинина».

Если вы захотите узнать подробнее о мальчике, именем которого названа эта улица, сходите в городской музей. Там, в зале, где собраны материалы о славных крымских партизанах, вы увидите портрет мальчугана лет тринадцати-

четырнадцать. Вы невольно залюбуетесь открытым, необыкновенно милым лицом: высокий и чистый лоб, большие веселые пытливые глаза.

Это портрет Володи Дубинина. Имя керченского школьника, пионера, отдавшего свою жизнь Родине, вошло в историю бесстрашной борьбы советских людей за освобождение Крыма.

Если вы попросите Володину мать, Евдокию Тимофеевну, рассказать о сыне, она припомнит немало историй, которые вечно приключались с Володи. Он был неутомимым, деятельным, всегда стремился осуществить то, что подсказывала ему мечта. В ящиках Володиного стола постоянно хранилось множество всевозможных инструментов, гвоздей, дощечек. Оттуда вылезала непослушная проволока, иногда капала какая-то кислота... Володя доставлял матери много хлопот. Но сердиться на него было трудно: очень честный, он никогда не лгал и сам первый откровенно признавался во всех своих ошибках.

Расспросите старую учительницу Юлию Львовну, и она приведет немало примеров из школьной жизни Володи, когда замечательно проявлялись его душевная прямота, взыскательная честность в отношениях с товарищами и учителями, смелая справедливость в суждениях.

Если вы спросите бывших авиамоделлистов из Керченского дома пионеров, они сообщат вам с гордостью, что пионер Володя Дубинин занимался в их кружке и считался одним из лучших юных авиаконструкторов города. Он был также прекрасным физкультурником, и теперь в Керчи ежегодно разыгрывается между школьными спортивными командами «приз имени Володи Дубинина».

Много еще можно узнать о Володе от его друзей, родных, товарищей по школе. Но самое интересное, самое главное и незабываемое расскажут о Володе Дубинине его старшие друзья по подземной крепости: бывший командир партизанского отряда Семён Михайлович Лазарев; Володин дядя, боевой соратник его отца в молодости, — Иван Захарович Гриценко; комиссар отряда товарищ Котло; веселый

партиза́нский по́вар дядя Яша Манто́; политру́к и воспита́тель пионе́ров подзе́мной кре́пости Гео́ргий Ива́нович Корни́лов; партиза́ны Влади́мир Жученко́в, Ни́на Ковале́ва и мно́гие други́е. По́сле войны́ все о́ни верну́лись к сво́ей ми́рной рабо́те. Но никто́ из них не забы́л пяти́десяти су́ток, прове́данных в сыро́м мра́ке каменоло́мен¹ Ста́рого Кара́нти́на близ го́рода Ке́рчи.

В са́мом нача́ле Вели́кой Оте́чественной войны́ оте́ц Володи́, Ники́фор Семёнович Дуби́нин, моря́к, коммуни́ст, бы́вший партиза́н граждáнской войны́, уше́л в во́енный флот.

Воло́дя вско́ре убедил́ся, что само́го его́ по во́зрасту «на войну́ ещё не принима́ют». Вме́сте со сво́ими сверстниками он задумал́ся над тем, как мо́жно в сво́ем родно́м го́роде помо́чь дале́кому фрóнту. Он стал вожако́м тимуро́вцев. Во мно́гих се́мьях фронтовико́в ско́ро привы́кли счита́ть сво́им челове́ком загоре́лого мальчу́гана, большегла́зого и крутоло́бого, с а́лым га́лстуком, кото́рый он снимáл, когда́ был недово́лен собо́й и́ли како́е-нибудь де́ло, не до конца́ дове́денное, му́чило его́ со́весть...

А фронт приближа́лся. В конце́ ле́та 1941 го́да фаши́сты повели́ наступле́ние на Кры́мский полу́остров. Семья́ Дуби́ниных пересели́лась к дяде́ Грице́нко, в Ста́рый Кара́тин. Здесь Воло́дя узна́л от своего́ дру́га Ва́ни Грице́нко, что в та́йных не́драх² каменоло́мен, где добывáли строите́льный ка́мень-раку́шечник, коммуни́сты и беспартíйные патрио́ты организу́ют партиза́нский отря́д. Воло́дя стал проси́ться, что́бы его́ то́же при́няли в отря́д. Команди́р партиза́н, уходи́вших под зе́млю, бы́вший моря́к Алекса́ндр Фе́дорович Зя́брев, хорошо́ понимáл, какие́ жесто́кие испытáния предсто́ят лю́дям в каменоло́мнях, е́сли фаши́сты захва́тят Ке́рчь. Поэто́му он зачисля́л в отря́д то́лько таки́х люде́й, в кото́рых был уве́рен. Смелый, энерги́чный ма́льчик пригляну́лся ему́. И Воло́дя был зачислен в отря́д.

¹ Каменоло́мен (каменоло́мни) — месторожде́ний ка́мня, где произво́дится его́ вы́работка.

² В не́драх (не́дра) — в места́х под земно́й пове́рхностью.

Командир подземного партизанского отряда Александр Фёдорович Зябрев (снимок 1932 года).

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей провёл партизанский отряд под землёй, на которой в то время находился враг. Пятьдесят дней и пятьдесят ночей пробыл с партизанами писнёр Волóдя Дубинин.

Подземная крепость выдержала длительную и жестокую осаду¹. Гитлеровцы замуровали², залили бетоном и заминировали снаружи все входы, все щели каменоломен. Но партизаны не сдавались. Они ушли на большую глубину. Отделённые шестидесятиметровой толщиной камня от всего живого, от света, от наземного воздуха, теряя в темноте счёт дням и

ночам, смельчаки жили по точному трудовому расписанию, подчиняясь правилам боевой дисциплины. Партизаны отбили все попытки фашистов пробиться в каменоломни. Пока выходы на поверхность были ещё не замурованы, партизаны делали вылазки из своей подземной крепости. Они взорвали фашистский штаб, сожгли походные мастерские, оттянули на себя с фронта большие силы противника и уничтожили почти полтора гитлеровцев. Во время боя на поверхности погиб командир отряда Зябрев. Командование принял на себя начальник штаба подземной крепости Лазарев.

Фашисты оцепили всю местность вокруг каменоломен, обнесли её колючей проволокой, заминировали все подступы

¹ О с а д у (осада) — окружение войсками укрепленного места с целью его захвата.

² З а м у р о в а л и (замуровать) — заделали наглухо.

пы. По приказу гитлеровского командования, ни одна живая душа не смела появляться в этом районе. Вот тогда и пришлось партизанам прибегнуть к помощи юных разведчиков. Володя Дубинин и два его товарища ухитрились незаметно выбираться на поверхность через потайные лазы¹. Обнаружив эти входы, гитлеровцы замуровали и их. Осталась одна последняя лазейка, совсем маленькая. Через неё способен был проскользнуть только гибкий, изворотливый Володя. Он один ходил в разведку и доставлял партизанам ценнейшие сведения.

Пять раз пробирался на поверхность земли, временно захваченной врагом, маленький разведчик партизанского отряда пионер Володя Дубинин.

Вот какую характеристику далó ему командование отряда:

«ХАРАКТЕРИСТИКА»

Данá Дубинину Влади́миру Ники́форовичу, рождéния 1927 гóда. Володя Дубинин с 11 ноябрá по 31 декабрá 1941 гóда находíлся в партизанском отряде Старокарантинских каменоломен гóрода Кéрчи. Володя в отряде был сáмым юным и замечáтельным партизаном. Он выполнял роль разведчика. Володя был назначен командíром грóппы юных партизан. Его грóппа состояла из пяти человек.

Три человека из них посылались на выполнение разведывательных операций. Володя со своими бойцами неоднократно выходил для выполнения боевых заданий. Он отлично выполнял эти задания. Приносил ценные сведения нашему отряду.

Во время боёв с немецкими оккупантами Володя и его бойцы не спали по целым суткам: подносили боеприпасы, питание, воду и т. д.

Когда фашистские захватчики предприняли самые коварные методы против нашего отряда, применив удушающие и угарные газы, было отравлено тридцать два партиза-

¹ Л а з ы — лазейки, то-есть узкие отверстия, через которые можно пролезть.

на. Нехватало бойцов для несения боевой службы. Володя Дубинин со своими бойцами — Ваней Гриценко и Тóлей Ковалёвым — потребовали от командования отряда послать их на посты. И здесь ребята, вооружась винтовками, стояли на постах.

Володя Дубинин со своими друзьями честно и добросовестно оправдал доверие партии Лёнина — Сталина.

С. ЛАЗАРЕВ, командир партизанского отряда.

И. КОТЛО, комиссар партизанского отряда.

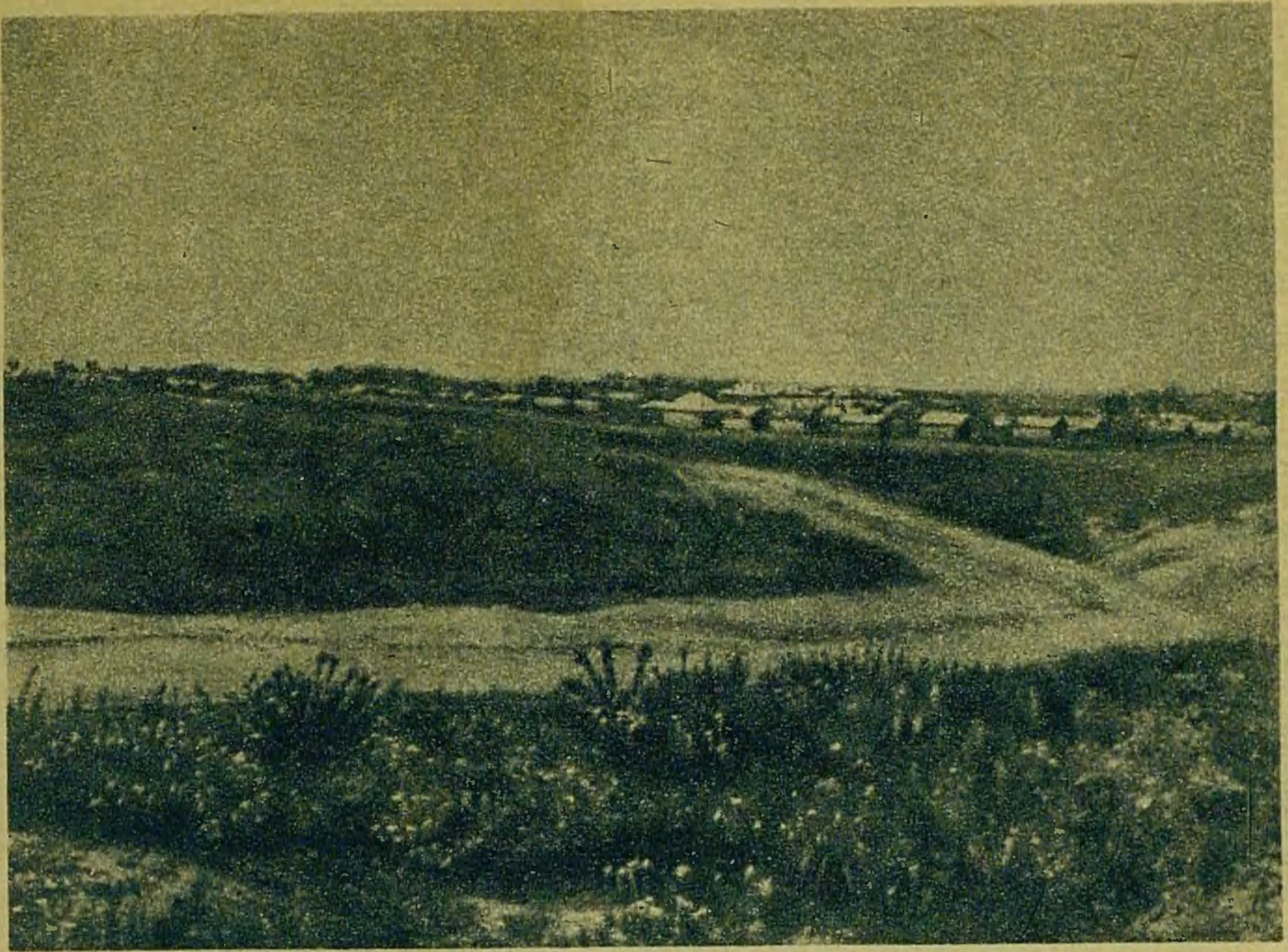
г. Керчь, Камыш-Бурун».

Командование Крымским фронтом наградило пионера Володю Дубинина орденом Красного Знамени.

Погиб Володя уже после освобождения Керчи от фашистов. Он сам пошёл помогать нашим сапёрам и... подорвался на mine.

О последних разведках юного героя подземной крепости вы прочтёте в этой книжке.

Посёлок Стáрый Карантин со стороны Кéрченского шоссе.

Г Л А З А И У Ш И

Пинь... там... пом... пинь... пом... тень...

Волóдя просну́лся в обы́чной темноте́ от стра́нного звúка, кото́рого он никогда́ ещё не слы́шал в каменоло́мнях. За пять неде́ль, проведенных под землёй, Волóдя научи́лся распознава́ть любóй звук, возника́вший в подзёмных коридора́х каменоло́мен. Звúки дели́лись на до́брые и злы́е. Они́ доноси́лись из глубин непрогля́дной тьмы. Глаза́ здесь бы́ли беспомощны, но привы́чное úхо ула́вливало всё, что ну́жно бы́ло знать партиза́ну. И Волóдя уже́ мог безошибочно узнава́ть не то́лько по го́лосу, но и по похóдке любóго из свои́х нача́льников. Вот, уве́ренно шага́я в по́лной темноте́,

чтобы зря не тратить карбйда¹ в фонаре, прошёл в боковую штольню² Владимир Андреевич Жученков. Старый шахтёр, он и под землёй чувствовал себя нисколько не хуже, чем на земле. Володя узнал его по особому пошлёпыванию: Жученков на ходу ладонью касался каменных стен, где каждый выступ, каждая неровность были ему хорошо знакомы. Медленно ступая, прошагал в подземную пещеру, где помещался штаб отряда, комиссар Иван Захарович Котло. А вот это по-строевому чёткий, прочный и в то же время удивительно лёгкий шаг политрука Георгия Ивановича Корнилова. Володя мог бы среди тысяч шагов различить поступь своего боевого наставника, к которому он страстно привязался.

Потом Володя услышал, как прошло в штаб ещё несколько партизан. И каждого из них узнал в темноте Володя.

Должно быть, командир отряда Семён Михайлович Лазарев собрал к себе в штаб всех командиров для совещания.

Где-то внизу уже раздавались глухие выстрелы. Звук сперва быстро доходил до Володи через толщу камня-ракушечника, а потом несколько раз повторялся эхом, бродя и затихая в коридорах подземелья. Там, на глубине каменоломен, партизаны вели учебную стрельбу в подземном тире. Всё это были звуки добрые, успокоительные, свои. Ухо привыкло к ним, механически отмечало в сознании услышанное, и они не вызывали тревоги.

Но Володя знал и другие звуки. Они мгновенно насыщали душную тьму каменоломен острой тревогой. Володя хорошо запомнил треск автоматов, бесконечно повторенные подземным эхом раскаты взрывов, грохот обвалов. От них, казалось, окружающая партизан подземная тьма внезапно твердеет и вот-вот станет сама сплошным чёрным камнем, который всё раздавит, всё задушит и сплющит.

¹ К а р б и д а (карбид) — химического соединения элементов, образующего горючее вещество.

² В ш т о л ь н ю (штольня) — в горизонтальную или немного наклонённую выработку (место, где добываются ископаемые).

Семён Миха́йлович Ла́зарев (спра́ва), ста́вший командиро́м партиза́нского отря́да по́сле гибели Зя́брева, и партиза́н Влади́мир Андре́евич Жуче́нков, ны́не нача́льник Старокара́нтинских камено́ломен (снѝмок 1947 го́да).

Так бы́ло неде́ли две наза́д, во вре́мя па́мятного бо́я, когд́а не́мцы пы́тались ворва́ться в камено́ломни. И все́ это вре́мя в камено́ломнях — и в шта́бе, и в столо́вке, и засы́пая на узких, вы́резанных из ка́мня-раку́шечника топча́на́х-лежа́нках — лю́ди опла́кивали Ива́на Гаври́ловича Шу́стова, воспомина́ли Пантелѐя Москале́нко и томѝлись го́рькой трево́гой за него́.

Да, это́ был тяжѐ́лый бой. До́рого далась партиза́нам побе́да. Поги́б бесстра́шный Шу́стов. Подорва́лся сам, упав с гранáтой, Ва́ня Серге́ев, лейтенáнт, комсомо́лец, белоку́рый, скла́дный, весѐлый челове́к. Он лежа́л тепѐрь в го́спитальном отде́лении камено́ломен. Во́дя слы́шал его́ сто́ны в темноте́, тихо́нько подбирáлся к сла́бо освещѐнной ко́йке, подо́лгу мо́лча смотре́л в осу́нувшееся лицо́, кото́рое становѝлось все́ ме́нее и ме́нее знако́мым. И каза́лось, что черты́ Ва́ниного лица́ ме́дленно растворя́ются в тяжѐ́лой, глухо́й темноте́.

Уже второй месяц держалась подземная крепость. И никто не знал, сколько ещё предстоит выдерживать эту немислимую осаду. Положение партизан с каждым днём становилось всё более гибельным. Они были теперь полностью замурованы в камне — в сущности, живо похоронены. Все выходы из штолен и шурфов¹ на поверхность немцы заминировали. Каждую лазейку, всякую мало-мальски подозрительную трещину гитлеровцы залили сверху бетоном или зацементировали. Присутствие невидимых партизан под землёй не давало покоя гитлеровцам. И фашисты решили задушить камнем законных хозяев захваченной ими земли, ушедших в недра её, но не сдавшихся.

Всё труднее и труднее становилось дышать под землёй, куда теперь почти не было доступа свежему воздуху. Изводила палящая жажда. И неизвестно было, на что ещё пустится враг, раздражённый упорством партизан.

Надо было непременно разведать, что творится на поверхности. Был один небольшой, очень далёкий выход, который как будто не заметили немцы. Зная, что всех мужчин, появляющихся вблизи каменоломен, немцы без предупреждения расстреливают на месте или, в лучшем случае, арестовывают, командование отряда решило снова попытаться отправить в разведку кого-нибудь из девушек. Сначала опять подумывали о том, не послать ли пионеров, показавших себя отличными разведчиками. Но комиссар запротестовал, считая, что ещё раз решиться на это можно только в случае самой крайней необходимости. Нина Ковалева и Надя Шульгина, явившись в штаб по вызову командира, с полной готовностью вызвались идти навёрх в любую минуту. Девушки, очень сдружившиеся под землёй, где они совместно работали в санчасти, просили послать их вместе. Их подготовили, как надо, и сделали попытку выпустить навёрх через тот ход, который оставался как будто ещё свободным. Но едва разведчицы приблизились к поверхности, как немцы подняли тревогу. Должно быть, они

¹ Из шурфов (шурф) — из вертикальных выработок.

чѣрез звукоуловитель услышали что-то. Дѣвушки едва успѣли укрыться в камнях и соскользнуть вниз, как наверху раздались взрывы гранат, зачастили автоматы. Видно, фашисты оставили этот лаз незакрытым нарочно, из каких-то особых соображений.

Обе дѣвушки были в отчаянии, что им не удалось выполнить задание. Они проплакали весь вечер, и сам комиссар ходил утешать их.

...Пинь... там... пом... тень...

Проснувшись от этого непонятного, ни разу ещё не слышанного под землёй, как будто птичьего звука, Володя сразу почувствовал, что лютая жажда, которая долго не давала ему заснуть, стала сейчас ещё более жгучей. Всё пересохло у него во рту. Першило в гортани, скрипела на зубах копоть. Повернувшись на своей каменной лежанке лицом к стенѣ, Володя стал языком жадно слизывать налёт сырости, выступившей на ракушечнике. И этому пришлось научиться за последнюю неделю. Когда мучительная сухость во рту немного прошла, Володя опять прислушался. Пинь... тинь... пом... пинь... Что бы это было? Володя легонько ткнул в бок спавшего с ним Ваню Гриценко:

— Эй, слушай!

— Ну чего тебе? — Ваня заворочался в темноте и чихнул от копоты.

— Тихе, ты! Очнись да послушай.

Ваня сел на лежанке. Действительно, из разных концов каменоломен — и где-то совсем рядом и в отдалении — то звонко, то еле слышно что-то тенькало разноголосно, настойчиво и аккуратно: тинь... пинь... пень... Мальчики затаили дыхание.

Между тем в штабе подземной крепости, устроенном в специально вырубленной широкой штольне, комиссар Иван Захарович Котло заканчивал своё сообщение.

— Делаем выводы, товарищи, — медленно, неспешно говорил он, вкладывая какой-то особый смысл в свои прочные слова: — по данным нашей подземной разведки, мы окончательно замурованы. Связь с внешним миром потеря-

на. А нам она необходима. Совершенно необходима. Мы тут не укрываемся. Мы сюда спустились не для того, чтобы отсиживаться. Мы здесь для того, чтобы воевать. Это основное. Кроме того, Сергеев здесь погибнет. Ему необходима срочная операция, иначе парню конец. И это вопрос буквально дней. Не более. Возможно, потребуется установить связь с партизанским отрядом в Аджи-Мушкайских каменоломнях. Словом, надо навёрх. На сегодня мы имеем пока один лаз. Подчёркиваю: только один. В секторе «Киев». Немцы его не заметили. Я сегодня с Семёном Михайловичем подбирался туда. Взрослому не прорваться. А как ты считаешь, Георгий Иванович? — обратился Котло к Корнилову. — Пионеры твои...

Он замолчал, испытующе посмотрел на Корнилова и, жмурясь, отвёл взор.

Каждый раз, когда обстановка складывалась так, что партизаны были вынуждены посылать на разведку ребят, комиссар страдал и смущался, не в силах скрыть этого.

— Да им только заикнись, Иван Захарович, — поспешил ответить, заметив состояние комиссара, Корнилов. — Этот Вовчик уже неделю пристаёт ко мне, чтобы его навёрх отрядили. Да, откровенно говоря, не хотелось без особой надобности.

— Да кому охота без особой на то надобности в такой риск ребятшек пускать! Но что поделаешь! Иного выхода я не вижу. Мы уж с Семёном Михайловичем думали, думали...

— Ничего не остаётся другого, — произнёс командир отряда: — придётся, товарищ Корнилов, твоих питомцев ещё раз попросить.

— «Попросить»! — усмехнулся Корнилов. — Надо ли их просить, чертенят? Их только пусть.

...А юные разведчики, о которых шла речь в штабе в этот момент, уже сползли со своих лежанок и бесшумно подбирались к месту, откуда доносилось загадочное теньканье. Они сперва собрались поднять тревогу, потому что был приказ немедленно доводить до сведения командова-

ния о каждом лучике света, о каждом отблеске, о каждом звуке, возникающем без ясной причины в подземелье. Но чтобы не попасть в смешное положение (а этого Володя и Ваня боялись гораздо больше, чем немецких пуль), мальчики решили сперва сами разведать, в чём тут дело. Не зажигая фонаря, они проникли в штрёк¹, где теньканье раздавалось особенно громко. Сейчас оно несколько изменилось. Уже не «пинь-пом-пум», а по-другому тенькало в штольне: клям... плям... клек...

Вдруг из-за угла бокового каменного коридора блеснул яркий свет. Мальчики от неожиданности зажмурились и тотчас же услышали над собой голос дяди Яши Манто:

— Эй вы, водолазы, куда? Давай задний ход!

— Дядя Яша, — зашептал Володя, кинувшись к повару, — тише ты! Слышишь? Тукает чего-то.

— Водичка, дорогёй, тукает, вода. С чистой водичкой вас!

— Какая вода?

— А-а, теперь вопрос, какая вода? С неба вода. Сперва была, конечно, как вас в школе учили, в виде известного снега, ну, а теперь, по всей видимости, наверху оттепель наступила. Вы вот себе спите да разные красивые, интересные сны разглядываете, а дядя Яша не спит, не дремлет. Он бодрствует. У дяди Яши один глаз всегда на дежурстве,

Комиссар партизанского отряда в Старом Карантине Иван Захарович Котлов (снимок 1942 года).

¹ В штрёк (штрёк) — в горизонтальную выработку, не имеющую непосредственно выхода на поверхность.

696124

17

Российская государственная
детская библиотека

40590 22882

одно́ у́хо на ва́хте. Вот я и услы́шал, что ка́пать ста́ло. И вездé здесь котелки́ подвёсил. Пока́ вы послéдний сон догля́дывали, я ужé полтора́ ведра́ накопíл. Бúдет вам сего́дня жа́ренная водичка — чай с са́харом. Отва́жным развёдчикам, конéчно, без óчереди и по две порции. Роско́шная жизнь?

Дядя Яша по́днял высокó фона́рь. И, задрáв го́ловы, ма́льчики уви́дели под ка́менным свóдом развёшанные там и здесь котелки́, скля́нки, пусты́е ба́нки из-под консе́рвов. В них чири́кала благода́тная певúчая капéль. Тинь... тинь... клек... плюм... — тéнькало, пéло, звенéло в ба́нках. И, сняв из-под свóда са́мый большóй котелóк, дядя Яша протяну́л его́ ма́льчикам:

— На́те, хлопчи́ки, пéйте на здоро́вьи́чко.

Но едвá Волóдя и Ва́ня, стúкнувшись голо́вами, припа́ли — висóк к виску́ — пересóхшими губáми к вла́жному, холо́дному кра́ю котелка́, со стороны́ шта́ба слы́шалось:

— Дуби́нину Влади́миру, Грице́нкс Ива́ну — жи́во яви́ться в штаб.

Жа́дно хлебну́в напоследок, ско́лько мо́жно бы́ло втяну́ть за оди́н глотóк, ма́льчики помча́лись к шта́бу:

— Есть яви́ться!

У вхо́да в штаб сто́ял политру́к Корни́лов с фонаре́м в руке́. Он освети́л им в ли́ца ма́льчиков.

— Ну, развёдка, — сказа́л он, — ну, Глаза́ и Уши, есть разгово́р.

Их тепе́рь ужé ча́сто так зва́ли — «Глаза́ и Уши». Пошло́ это с того́ са́мого дня, когда́ политру́к Корни́лов объясня́л ребя́там обяза́нности развёдчиков: «Развёдка — это глаза́ и у́ши а́рмии». А в тот день произошли́ как раз кое-какие́ неприятности́ в ка́мбузе¹, где ю́ные развёдчики стяну́ли с прóтивня² у Акили́ны Яковлевны́ сла́дкие по́нчики. Волóдя, как всегда́, не стал опра́вдываться, а че́стно за-

¹ В ка́мбузе (ка́мбуз) — в кúхне на сúдне. Здесь так шу́тливо на́звана кúхня подзёмной крéпости.

² С прóтивня (прóтивень) — с желе́зного листа́ с за́гнутыми кра́ями для жа́рения, печéния.

явил, что это он взял без спросу пончики, потому что считал себя вправе брать их. «Да кто же вы такие, чтоб раньше всех пончики хватать?» негодовала тётя Кйля. «Кто мы такие? — переспросил её Волóдя. — Мы, — он ткнул себя пальцем в грудь и кивнул в сторону Вáни Грицénко, — мы — глаза́ и у́ши. Вот кто мы». С тех пор большеглазого, пытливого, зоркого Волóдю и внимательного, немно́го лопау́хого Вáню Грицénко ста́ли величать: «Глаза́ и Уши».

«Глаза́ и Уши», подтянувшись и одёрнув куртки, как того́ требовала партиза́нская слúжба, предста́ли перед шта́бом отря́да. Команди́р подро́бно объясни́л им задание. На́до бы́ло снова́ вы́браться на пове́рхность, прошмыгну́ть незамéченными ми́мо неме́цких часовы́х и во что бы то ни ста́ло повидáться в Ста́ром Кара́нтине с Миха́йлом Евгра́фовичем Ла́нкиным, узна́ть подро́бно, что твори́тся на пове́рхности и нет ли каки́х-нибудь све́дений от аджи́-мушка́йских партиза́н.

— Адрес явки по́мните? — спроси́л Ла́зарев.

— С закры́тыми глаза́ми найдём, — отвечáл Вáня Грицénко.

— Ну и хоро́шо, — как всегда́ ме́дленно и негро́мко, произнёс комисса́р Котло́. — То́лько вот что... Ты там, Волóдя, Ла́нкина насчёт овса́ уж не сли́шком пытай.

Тут все засмея́лись, вспо́мнив, как Волóдя во вре́мя одной́ из разведо́к всё пристава́л к Ла́нкину с усло́вным во-

Партиза́н Яков Ма́ркович Манто́
(дядя Яша).

прóсом: «Нет ли у вас, дядя, овса?», хотя Ланкин и так сразу узнал партизанского разведчика и не тайлся от него.

— Повторить задание! — приказал комиссар.

Володя выпрямился, как в строю, и скороговоркой повторил:

— Выйти на поверхность через лаз в секторе «Киев», оставаясь незамеченными, проникнуть в посёлок, во что бы то ни стало явиться к товарищу Ланкину, получить сведения, сообщить положение, выйти из посёлка до наступления комендантского часа¹, когда будет темно, вернуться к лазу, насчёт овса Ланкина не пытаться.

— Всё понятно?

— Всё, — отвечал командир группы юных разведчиков.

— Вопросы имеются?

— Вопросов не имеется.

— Ну, — сказал командир, — в таком случае снимайте свою артиллерию.

Вдохнув, мальчики сняли с себя через головы ремни, на которых у них висели обрэзы². Каждый раз жалко было расставаться с оружием, но Володя и Ваня знали, что выход с ним на поверхность невозможен. Сдав командиру оружие, мальчики расстегнули свои куртки и сняли повязанные прямо на теле красные пионерские галстуки. Все встали. Комиссар бережно принял галстуки, закоптелые, помятые, тёплые, расправил их, аккуратно сложил, вместе с обрэзами положил в шкаф, стоящий в штабе, и запер его на ключ.

— Провожать вас до лаза, ждать вас там и, в случае чего, помочь вам вернуться назначаю товарищей Корнилова, Любкина и Важенина. Георгий Иванович, — обратился он к Корнилову, — пусть разведчиков покормят как следует. Скажите там Манто, чтобы не скупился. И пусть их Акилина Яковлевна хоть немножко отмоет. А то ведь на них глядеть и тут страшно — до того чумазые, а уж на свет божий появятся, так фрицы сразу сообразят, что они прямо из-под земли.

¹ Комендантского часа (комендантский час) — часа, после которого, по приказу коменданта, нельзя показываться на улице.

² Обрэзы (обрёз) — винтовки с отпиленным концом ствола.

Чéрез полчасá растёртые дóкрасна мóщными рука́ми Акили́ны Яковлевны, ще́дро накóрмленные, óба ю́ных развѣдчика явѣлись к политру́ку Корни́лову. По доро́ге им попа́лось нѣсколько партиза́н. И ка́ждый подходѣл к ним и говори́л что-нибудь ла́сковое, уважи́тельное, ободря́ющее, врóде: «Ну, мол, ходи́ веселѣй, ребя́тки. Гляньте там за нас хоть на не́бо, как пти́чки летáют». Или: «Э-гей, хлóпцы, счастли́во вам! Выруча́йте, дорогѣе». И так да́лее. Всем хоте́лось сказа́ть на проща́нье ма́льчикам что-нибудь значи́тельное и душе́вное. Но застенчи́вы бы́ли в таки́х дела́х грóзные партиза́ны старокаранта́нского подземѣлья: не находѣли они́ ну́жных слов и то́лько кряхте́ли, пока́шливали да по-оте́чески трепáли ма́леньких развѣдчиков по плечу́. А политру́к Гео́ргий Ива́нович Корни́лов, как всегда́ перед развѣдкой, велѣл ма́льчикам присѣсть. И сам то́же сел вóзле них на ту́мбу, вы́пиленную из ка́мня.

— Ну вот, сѣли напоследок, — проговори́л он. — Дава́йте, ребя́тки, ещё раз хороше́нько всё сообразѣм. Зада́ние вы зна́ете. Повторя́ть не бу́ду. Хочу́ сказа́ть то́лько ещё вот что: кома́ндование на вас крѣпко наде́ется, все партиза́ны на вас наде́ются. С на́шим положѣнием вы знако́мы. Говори́ть мно́го не прихóдится... Зна́ю, что зада́ние вы́полните, потому́ что вы есть на́ши...

— ...глаза́ и у́ши, — успѣл встáвить Ва́ня Грице́нко.

— Нет, ребя́тки, э́того ма́ло. Конечно, мы рассчи́тываем и на ва́ши глаза́ и на ва́ши у́ши. Но гла́вная на́ша наде́жда на ва́ше се́рдце. Глаза́ без души́ слѣпы, у́ши без се́рдца глу́хи. А се́рдце у вас, ребя́та, ве́рное, пионе́рское се́рдце. Оно́ не подве́дет. Вот на него́ мы и наде́емся. Ну, га́лстуки по воѣнной необходи́мости вы тут оста́вите, а своё зва́ние, свою́ честь пионе́рскую, долг свой перед наро́дом вы берѣте с собо́й. Ясно я говори́ю?

— Ясно, — ти́хо отвечáл Воло́дя. Огрóмные глаза́ его́ золоти́сто блесну́ли в ту́склом свѣте ла́мпочки, висѣвшей под потоло́ком, и он с суро́вой задумчи́востью спросѣл у политру́ка: — Дядя Го́ра, у меня́ вопро́с. Мо́жно? Я счита́ю, что ведь зада́ние осóбое. Да?

— Да, особое, — сказал Корнилов.

— Это партийное задание, да? — допытывался Володя.

— А как ты думаешь? Всё, что мы тут сейчас делаем, — это партийное задание.

— А если кто беспартийный, тогда как же? — спросил Ваня Гриценко.

— Ну и что ж, что беспартийный! — ответил политрук. — Раз он тут с нами и честно, как подобает советскому нашему человеку, действует — из-под земли фашистам грозит, партизаниит, как надо, выполняет задание партии, страну нашу защищает, — значит, и он выполняет с нами долг коммуниста.

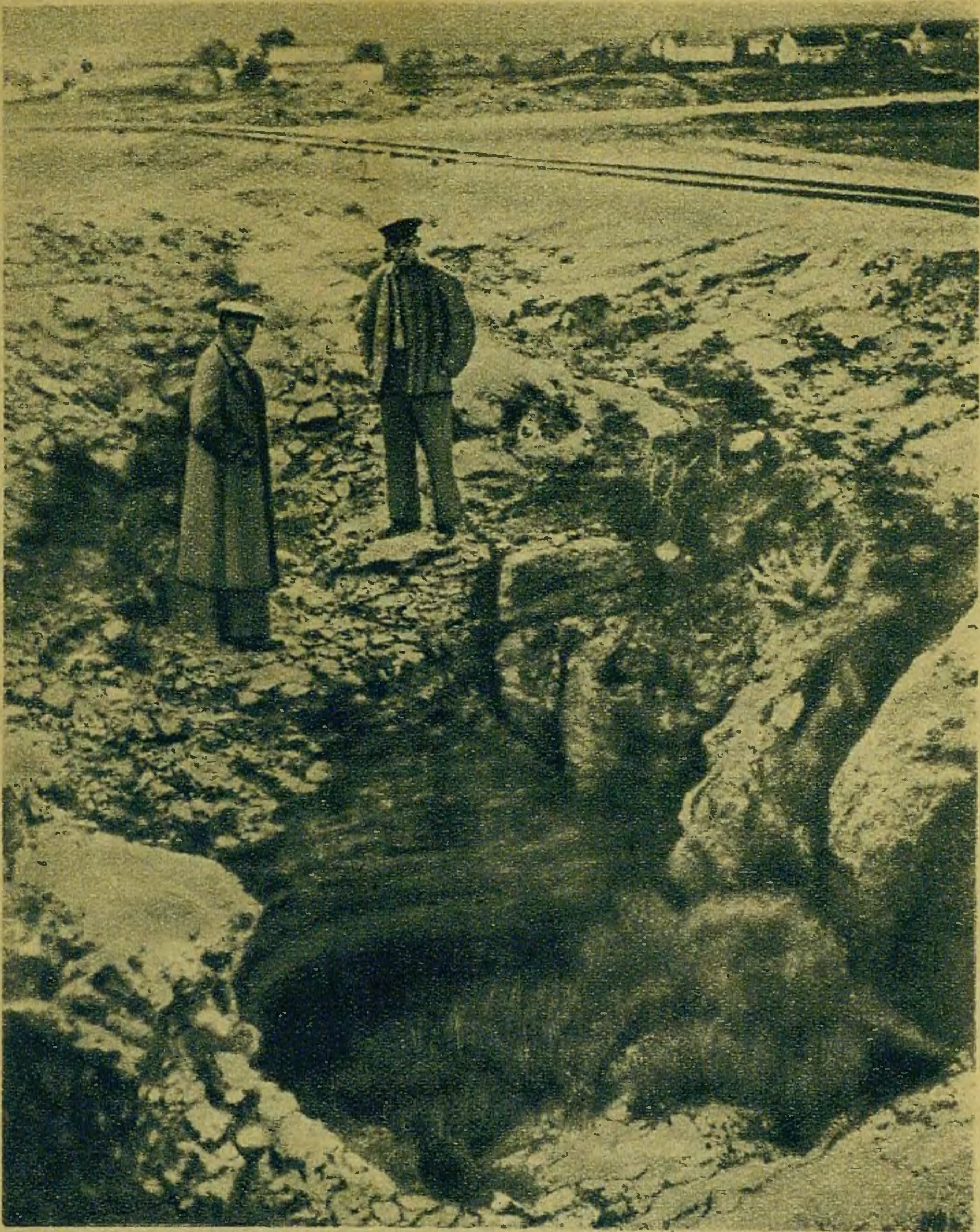
— Вот видишь, Ваня, и я тоже всегда так считаю! — заторопился Володя. — Вот, например, у нас, я считаю, вся семья партийная. Сестра Валентина комсомолка уже — значит, помощница партии. Я пионер — выходит, младший сын партии. Верно? Правда, вот мама ещё у нас отчасти беспартийная осталась, но она всё равно тоже такая, как и мы все...

И вспомнилась Володе мать. С каждым днём тревога за неё становилась острее. Он замолчал, задумался. Как ей живётся там, наверху, в посёлке, захваченном немцами? Хоть бы повидать её одним глазом, хоть издали, хоть одну секундочку!

Потом Корнилов поднёс к лампочке свои карманные часы и сказал:

— Ну, младший сын партии, ну, ребятки, пора. Через час светать будет наверху. Вам надо выползти, а там, глядишь, и по посёлку уже ходить можно будет. До девяти утра немцы-то не позволяют, а так поспеете в самый раз... — Он внимательно оглядел обоих разведчиков, смущённо нахмурился, поправил застёжку на Володиной стёганке. — Пошли, Володя. Идём, Ваня. Любкин и Важенин уже готовы. Ждут на «Киеве». Двинулись!

Немцы не знали этого далёкого лаза. Он выходил в земляную щель под большой, низко нависший над ложбинкой камень. И мальчики благополучно выбрались на

Одін из лáзов, чéрез котóрый юные развѣдчики выходѣли на повѣрхность
и возвращáлись обрáтно в каменолóмни.

поверхность земли, хотя отверстие лазейки было таким узким, что более крупный Ваня Гриценко еле-еле протиснулся. Зато маленький, юркий Володя свободно выскользнул из-под камня и помог выбраться товарищу.

А потом они долго ползли, прячась за неровностями, камнями и небольшими взгорьями, жадно вбирая в себя сладкий наземный воздух. Эх, что за воздух это был! Они сосали снег, и он тоже казался им слаще всякого мороженого.

Они проползли по дну небольшого овражка, где не было немецких часовых, вскарабкались наверх и спрятались в полуразрушенном сарайчике на краю поселка. Через щели его мальчики следили за тем, что делается на улицах. Вскоре рассвело. Разведчики видели, как сменялись часовые. Прошел по улицам поселка утренний патруль гитлеровцев. Здесь и там появились осторожно шагающие, старающиеся держаться стороной жители.

Мальчики решили, что им пора выходить. Но тут они поглядели друг на друга и оба присели на корточки, зажимая ладонями рты, чтобы не расхохотаться: несмотря на все старания Акилины Яковлевны, отмыть их не удалось, только грязь развезли. Жирные полосы копоты, пятна грязи покрывали лица обоих разведчиков.

— Зебра полосатая, ой, умру! Настоящая зебра! — прыскал в ладонь Ваня Гриценко.

— А ты на себя погляди! — давился от смеха Володя. — Сам как есть гиена пятнистая, точная копия. Ну, хватит! — прикрикнул он неожиданно. — Ты всё-таки имей себе представление, что я командир группы.

Они долго оттирались снегом за сараем. А потом как ни в чём не бывало двинулись на окраину поселка.

Володя уже дважды бывал здесь во время своих разведок. Но на этот раз посёлок показался мальчикам ещё более мрачным и безлюдным. На улице, которая вела к каменоломням, на месте, где недавно стояли дома, теперь было пусто и сквозь талый снег чернели закоптелые развалины, раздробленные взрывом камни. Немцы старались

окружить район каменоломен зоной разрушения, где всё было бы пусто и мертво.

Вдруг Вáня крѣпко схватил Волóдю за руку и так сжал её, что тот чуть не закричал.

— Что ты? — удивился Волóдя.

— Гляди́, гляди́! — Вáня, весь побелѣвший, нелóвко дѣргая губой, потащил Волóдю за угол уцелѣвшего домика. — Гляди́, ведёт...

И Волóдя уви́дел, как из проу́лка вы́шло около десятка нѣмцев. Они́ шли с автомáтами наизготóвку посредине у́лицы. Мѣжду ними, спотыка́ясь, ёжась от хóлода, шли мѣртвенно-блѣдные лю́ди. Глаза́ их, как у слепы́х, смотре́ли куда́-то вдаль останови́вшимся, неви́дящим взóром. Просто-волóсая жѣнщина в сбiвшейся на плѣчи рва́ной ша́ли шла позади́ други́х.

— Ты гляди́, гляди́, сза́ди вон... — прошепта́л Вáня.

Волóдя взгляде́лся и, узна́в, сам о́бмер. То была́ тѣтя Ню́ша, мать Вáни Грице́нко.

— Э-эх ты! — еле слы́шно пробормота́л он. — Вот так де́ло получи́лось! Забра́ли...

Вáня вцепи́лся зубáми в стѣганный рука́в своѣй кúртки и не своди́л глаз с ма́тери.

— Ох, Во́вка, беда́ какáя, го́ре!.. — с трудóм прошепта́л он, отпусти́в свой рука́в, и скри́пнул зубáми. — Ты не высóвывайся, Волóдя, а то ма́ма узна́ет, кри́кнет, тогда́ мы всех подве́дем. Мо́жет быть, её за отца́ да за меня́ и забра́ли, что мы в партиза́ны ушли́... Донёс кто́-нибудь, есть та́кие скоты́. У, попади́сь мне то́лько!

— Вáня, а мо́жет, и мою́ ма́му так? А мы ничего́ не зна́ем, сиди́м там себе́ под землёй. Эх, был бы у меня́ сейча́с мой обре́з, я бы им...

До́лго гляде́ли оба ма́льчика из своего́ укры́тия вслед удаля́вшимся и не могли́ дви́нуться с ме́ста.

Но на́до бы́ло выполня́ть задáние.

С невесѣлыми мы́слями осторо́жно пробира́лись ю́ные развѣдчи́ки к до́му, где жил Ла́нкин. Но что э́то? Неужѣли они́ оши́блись у́лицей? Нет, вот шоссé, а тут водокáчка, а

сейчас же за ней должен быть дом Ланкина... Лишь обугленные, полузанесенные снегом обломки ракушечных плит да одинокая труба были там, где стоял прежде дом Ланкина.

Где же Ланкин? Как найти его теперь, чтобы выполнить задание командира, чтобы получить сведения, которые так нужны партизанам, и сообщить тем, кто на поверхности, о положении подземного отряда?

Растерянно брели по улицам Старого Карантина два маленьких разведчика. Они вышли на дорогу, ведущую к Камыш-Буруну, за которым, резко отчеркнутое белым, заснеженным краем берега, синело море. Там далеко в дымке чуть виднелся, а больше угадывался противоположный берег Керченского пролива — Тамань, желанная, своя... А вокруг мальчиков, растерянно идущих по дороге, всё сейчас было не своим, всё было насильно отнятым чужими и отвратительными захватчиками. Какая-то страшная сила сковала землю, дома, людей...

Но ничто не ускользало от внимания разведчиков. Недаром их звали в каменоломнях «Глаза и Уши». Они издали видели, как немцы опять подтягивают, подвозят орудия к району каменоломен, как опутывают всю округу колючей проволокой, как роют, бетонируют доты¹. Немцы, видно, попрежнему считали, что в Старокарантинских каменоломнях скрывается целая армия партизан.

— Гляди, как стараются, — шепнул, довольный, Володя своему спутнику. — А тут, смотри, у них, верно, штаб...

— Это раньше наша школа была, — отозвался Ваня и вздохнул, поглядев на красивый двухэтажный дом, во дворе которого скопилось множество немецких машин. — Вон я за тем окошком сидел в прошлом году.

— Ох, дурные мы с тобой были, Ваня, верно? — сказал Володя. — Помнишь, как бывало иногда, если урока не успел выучить, в школу неохота ходить было. Ленились...

— Да, уж глупее глупых были, что толковать, — согласился Ваня.

¹ Доты (дот) — укрепления для орудий.

— А сейчас бы, — продолжал мечтательно Володя, — ей-богу, сидел бы на парте, не шелохнулся, только бы слушать, что в классе объясняют. Сколько бы ни задавали, спасибо бы ещё сказал.

Они обошли школу и внезапно остановились, не в силах двинуться дальше. На пустыре за школой, прямо перед ними, на столбах с перекладиной, где раньше были трапедии и кольца для гимнастики, висели два трупа. Мальчики со страхом переглянулись и подошли поближе. Медленно подняли они головы кверху, всмотрелись в повешенных...

Сомнений не было. То были Москаленко и Ланкин. Ветер с моря качнул трупы, повернул их. И разведчики увидели, что на груди у висевших привязаны доски с коряво и жирно выведенными надписями. «Партизан», было написано на доске, на которую свесилась седая голова Пантелёя Москаленко. «Так будет со всеми, кто помогает партизанам», прочли разведчики на впалой груди у Ланкина. И маленьким разведчикам показалось, что и море вдали, и небо над ними, и весь воздух вокруг потемнели. И эта чернота была гораздо страшнее и злее подземной тьмы, в которой они жили уже второй месяц.

Потрясённые, стараясь не глядеть друг на друга, ступая почему-то на цыпочках, мальчики отошли от этого страшного места.

Михайл Евграфович Ланкин, оставшийся в Старом Карантине для связи с партизанами (снимок 1932 года).

Да, не таких сведений ждут там, под землёй, партизаны. Нет больше Москалёнко, нет Ланкина. Через кого теперь держать партизанам связь с подпольным центром Крыма?

Целый день бродили маленькие разведчики по Камыш-Буруну. Пригодились им тут глаза и уши. Много они успели выисмотреть, подметить, сосчитать, услышать и запомнить за этот тяжёлый день. Рано, по-зимнему, и быстро, как всегда на юге, темнело. В пять часов дня, гласил приказ, расклеенный на всех заборах, прекращалось хождение по посёлку. Приказ грозил расстрелом без предупреждения каждому, кто появится после пяти часов на улице. Надо было возвращаться. Всё, что можно было заметить, услышать, мальчики запомнили. Но когда, возвращаясь из Камыш-Буруна, разведчики увидели близ шоссе, за голыми, облетевшими деревьями, красную крышу домика Гриценко, Володя остановился и просительно взглянул на Ваню.

— Ваня, — нерешительно начал он, — я тебя об одном попрошу. Укройся сейчас где-нибудь, чтобы тебя люди не заметили, — ведь тебя здесь каждый помнит, — а я сбегая к вашей хате. Очень мне, Ваня, охота узнать: маму не забрали? Как она там... Я только гляну минутку и сейчас же обратно. И голоса не подам. Даю слово, Ваня!

Ваня, думая об утренней встрече, только кивнул, вобрав голову в дёрнувшиеся плечи:

— Как знаешь, Вова... Не попадись только, смотри. Всё загубишь.

Почерневшими осенними огородами, с которых ветер смёл снег, незаметно подполз Володя к беленькому домику Гриценко. Здесь всё было таким знакомым. Вот большая кадка, возле которой когда-то он поссорился с Ваней из-за ртутной капли от разбитого градусника. Вот сарайчик, где хранили они свои рыболовные принадлежности. Сейчас к его двери был прислонён немецкий мотоцикл. Должно быть, в доме стояли немцы. Надо было соблюдать осторожность. Володя тихонько приподнял голову над кадкой, за которой он спрятался, взгляделся в окно домика и сразу увидел мать.

Евдокия Тимофеевна сидела у самого подоконника, зябко закутавшись в платок, и что-то шила. Володя, вцепившись озябшими пальцами в край кádки, не мигая смотрел через двор на мать. Остывавший закат освещал её лицо. Но как страшно изменилась и похудела она за этот месяц! Совсем старушка стала... Володя заметил, как тряслась её рука, когда она, должно быть, пробовала продеть нитку в ушко иглы. Ей это так и не удалось. Володя увидел, как из глубины комнаты кто-то подошёл к матери и взял у неё из рук шитьё. Он узнал сестру Вáлю. Эх, Вáлька, Валентина, счастливица Валентина! Ничего ты не понимаешь! Стоишь ты рядом с матерью и даже не догадываешься, как это хорошо, когда около тебя, совсем рядом, мать: заскучал — и прижался к ней. Что же ты стоишь, дурная? Обними её скорей, да бережно... Слабая она...

Но Вáля уже отошла в глубь комнаты.

Как захотелось Володе подбежать к окну, забарабанить кулаками по стеклу, может быть в последний раз кинуться к матери, припасть к ней, схватить её за плечи обеими руками, глядя не отрываясь снизу прямо в склонённое лицо её, закричать: «Мáма, гляди, это я! Ты не волнуйся, мáма! Ты, наверное, беспокоишься, думаешь, что меня нет в живых, что нас там немцы в каменоломнях газами травили, камнями завалили? Нет, гляди, мы назло им живые! Вот я, мáма, послан на разведку нашим командиром. Ты не бойся, мáма. Всё будет хорошо, ты только не волнуйся. Ты только пойми: я выполняю партийное задание. Эх, если б узнал папа, он сразу бы понял! Он моряк и коммунист. Он бы тебе всё как надо объяснил...»

Так бы и сказал Володя матери, если б мог, не таясь, подбежать к окну, если бы не должен он был прятаться в двух шагах от неё, как того требовали долг и осторожность разведчика. А сейчас он стоял на коленях за промёрзшей кáдкой, и только губы у него беззвучно шевелились: «Ой, мáма, ой, мáма, ты мáма... ничего ты не знаешь...»

А мать, внезапно вздрогнув, встала, приблизила лицо своё к самому стеклу окна, обвела усталым взглядом двор

и сперва медленно, а потом быстро опустила штору затемнения. И чёрная штора эта пала в окне и отгородила Володю от матери, с которой, может быть, ему уже не суждено было больше увидеться...

Володя отполз от кадки, добрался до огорода и побежал туда, где терпеливо ждал своего маленького командира Ваня Гриценко. Надо было немедленно возвращаться в каменоломни, пока немцы не замуровали последний тайный ход в партизанскую подземную крепость...

Поздно ночью мальчики, благополучно проскользнув под колючей проволокой, уже подползали к своему тайному ходу в каменоломни. Несколько раз им пришлось замирать, неподвижно припав к земле: слепящая, холодная огромная лапа прожектора вот-вот, казалось, поймаёт их. Она выхватывала совсем рядом из ночной тьмы кусты и камни, неровности почвы и, перемахнув через прижавшиеся к земле фигурки разведчиков, проносилась по далёким холмам, по крышам окраинных домиков посёлка и верхушкам голых деревьев. Иногда совсем близко, казалось едва не задевая мальчиков, над ними с присвистом проносился рой светящихся трассирующих пуль, которые оставляли за собой в темноте красный, медленно исчезающий след. Надо было вжиматься в камни, в землю. Но и камень и земля на каждом шагу таили в себе смертельную опасность: все подходы к каменоломне были заминированы. И мальчики, прячась от лучей прожекторов, ползли во мраке осторожно, как учил их сапёр Дерунов, нащупывая перед собой дорогу, чтобы не напороться на мину.

Необыкновенно длинным и страшным показался на этот раз усталым и столько горя хватившим за один день разведчикам обратный путь.

ПОГРЕБЕНЫ В КАМНЕ

Гибель Ланкина осложнила и без того трудное положение партизан. Теперь, даже если бы и удалось ещё раз выбраться для разведки на поверхность, не у кого было

получить нужные сведения о районе Старого Карантина и Керчи, о том, что происходит на фронте. Когда оба разведчика, вернувшись в каменоломни, рассказали об участии Москаленко и Ланкина, опечаленный Лазарев понял, что отряд не только замурован, но и лишился последней связи с миром.

Надо было что-то предпринимать.

Немцы теперь редко беспокоили партизан. Они, должно быть, решили, что подземная крепость превращена для партизан в общую могилу. Изредка гитлеровцы предпринимали ленивые попытки проникнуть в какой-нибудь из ходов. Но сейчас же тьма на глубине ошестивалась сверкающими иглами выстрелов. Гитлеровцы отступали, убедившись, что обитатели подземелья еще живы и не собираются сдаваться.

Запертые в камне люди жаждали узнать, что происходит на фронте, как живёт страна. Эти сведения нужны им были, как вода, которой требовали их пересохшие рты, опалённые жаждой, горящие губы. Узнать во что бы то ни стало, узнать правду о положении на поверхности, о войне, о Москве.

От сырости почти истлели ковры, украшавшие стены красного ленинского уголка. Расклеилась и вся рассыпалась на части гитара Нины Ковалёвой. Перестал действовать патефон, стенки которого разбухли от сырости. После таяния снега на поверхности сырость в подземелье сказалась ещё чувствительнее. Но зато немного облегчилось положение с водой. Теперь то и дело удавалось за несколько часов накапливать ведра два-три воды, а то и больше.

5 декабря торжественно отпраздновали День Конституции. Так как часть партизан несла караульную службу, то в ленинском уголке собирались дважды: днём и вечером. Манто в этот день сделал какой-то необыкновенно вкусный рулет из консервов. Володя красиво разрисовал специальный номер «Боевого листка», в котором выступили со статьями многие «подземкоры», как называли партизаны тех, кто писал для стенгазеты. Возле «Боевого листка» был

специально поставлен фонарь, чтобы все могли когда угодно подойти и читать, что там написано.

Партизанская стенгазета была несколько не хуже тех, что выпускались до войны на поверхности. Была здесь и передовая, написанная комиссаром, и стихи Нины Ковалёвой «Мы увидим свет». Была заметка Корнилова о том, как хорошо работают пионеры. Имелась и карикатура, изображавшая Яшу Манто, из-под земли пробившего головой камень: он высунулся на поверхность, а фашисты в ужасе бегут от него во все стороны. Не обошлось и без критического материала: тётя Кйля написала о каких-то непорядках на камбузе и упрекала помощниц дяди Яши за лень.

А сверху, через весь «Боевой листок», Володя, по совету комиссара, крупными буквами выписал слова товарища Сталина: «...Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы».

Так жили советские люди, добровольно обрешившие себя на заточение в камне, отказавшись от света, чистого воздуха, воды и всех привычных условий человеческого существования, для того чтобы своим хотя и малым подвигом облегчить народу великую борьбу с врагом человечества.

Но враг был силен, жесток, хитёр, и надо было заранее узнавать все его планы. В последние дни в галлерей верхнего яруса¹ проникал сверху какой-то скрежещущий ровный шум, словно на поверхности производили бурение. Необходимо было выяснить, что предпринимают немцы. И тогда Володя опять стал проситься в разведку.

— Дядя Гора, — говорил он Корнилову, — ну честное же слово, есть у меня одна дырочка прозапас. Туда никто, кроме меня одного, не пролезет. Ну, разве только Олюшка Лазарева. Только она уж больно мала. А я в самый раз, дядя Гора!

— А почему ты раньше про этот лаз молчал?

¹ В галлерей верхнего яруса (галлерей, ярус) — в коридоры верхнего подземного этажа.

— Военная тайна, дядя Гора, — смутился немного Володя, но тут же чистосердечно признался: — Я его, этот лаз, случайно нашёл, когда ходил один раз навёрх без спросу. Смотрю — светится. Я хотел было сказать. А потом думаю: влетит мне, что я туда таскался. И решил оставить для себя про запас, когда опять навёрх в разведку выйти разрешат... Только там, кроме меня, никто не протиснется. Вот теперь и пригодилось, теперь уж и ругать не будут.

Корнилов сообщил командованию о просьбе Володи направить его в разведку и рассказал о тайном лазе, который маленький разведчик держал на этот случай.

Лазарев поручил самому Корнилову проверить выход. И политрук вместе с Володиёй направился туда. Но до самого лаза Корнилову дойти не удалось. Он едва не завяз в узком, щелистом проходе между камнями.

— И как ты сам пробираешься? — удивлялся потом Корнилов. — Там только мыши впору проскочить. Ну и ящерица же ты!

А Володя ползком подобрался к лазу, высунулся из него. Он едва не задохнулся, глотнув свежий морозный воздух. И когда немного улеглась боль в глазах от дневного света, он сумел высмотреть всё, что ему требовалось. Он убедился, что лаз его выходит далеко за пределами района каменоломен, который немцы обнесли колючей проволокой. Ясно было, что немцы ничего не знают об этой лазейке.

Политрук Георгий Иванович Корнилов, заместитель комиссара партизанского отряда (снимок 1932 года).

Кроме того, он уви́дел, что земля наверху́ покры́та све́жим сне́гом. Но днём показываться здесь, над каменоло́мнями, бы́ло нельзя́. Сле́довало пережда́ть ночь, что́бы незадо́лго до рассвёта скры́тно вы́йти наверху́ и отползти́ подальше от ла́за.

Реши́ли, что Волю́дя захва́тит с собо́ю коньки́. Они́ входили́ в число́ тех це́нностей, кото́рые он притащи́л с собо́й под зе́млю, не жела́я оставля́ть их наверху́. Ката́ться на конька́х он научи́лся ещё́ в ту по́ру, когда́ выиграл на спор отли́чные «снегу́рки». С той поры́ он ка́ждую зи́му, вызы́вая за́висть ке́рченских мальчи́шек, ката́лся на конька́х по льду́ замёрзшей речу́шки. Выбравшись на пове́рхность перед рассвётом, он до́лго сидёл в овра́жке, что́бы дать глаза́м приви́кнуть к слепя́щему блёску сне́га, к сия́нию всходи́вшего со́лнца. Затём он привяза́л коньки́ верёвками к боти́нкам и вско́ре уже́ ли́хо раската́ывал вдоль́ окра́ин посёлка по обледе́ным доро́жкам. Из не́скольких до́миков вы́шли неме́цкие солда́ты в накинута́х на плечи́ одея́лах, палатка́х, скатертя́х. Должно́ быть, вид ма́льчика, уве́ренно скользя́щего на конька́х, напо́мнил не́мцам об их со́бственном де́тстве, об оста́вшихся где-то далеко́ се́мьях, и они́ расчу́вствовались.

А ме́жду тем раската́ывавший у них на глаза́х ма́ленький беззабо́тный конькобе́жец мелька́л взад и вперёд по ско́льзким доро́жкам, высма́тривая всё, что ему́ на́до бы́ло узна́ть.

Весь райо́н каменоло́мен был действите́льно опу́тан колю́чей про́волокой. По скло́нам холмо́в, окружа́вших это ме́сто, не́мцы вы́рыли транше́и¹. Во́зле взорванных ходо́в стоя́ли аппара́ты с грóздьями каки́х-то ру́поров — звукоуло́вители. Но, ви́дно, всё это показáлось гитлеровцам недо́статочным. Волю́дя замéтил, что не́мцы хлопóчут сегóдня немно́го в сторо́не от разру́шенного гла́вного ство́ла². Солда́ты тащи́ли и соединя́ли одну́ с друго́й то́лстые тру́бы.

¹ Т р а н ш е́ и (транше́я) — глубо́кие дли́нные рвы, око́пы.

² С т в о л а́ (ствол) — ча́сти ша́хты от пове́рхности до дна.

Мáленький развѣдчик попытáлся вѣсмотреть, откúда онѣ пролóжены. Но трубопрóвод терялся вдали по направлѣнию к мóрю. Мáльчик дóлго мчáлся на конькáх вдоль скреплѣнных труб, покá не убедился, что онѣ идúт до сáмого мóря. Потóм он вернúлся на то мѣсто, где впервые замѣтил трúбы. Тепѣрь он разглядѣл вдали машинóу, напоминающую тра́ктор. Нѣмцы подвезли её туда, где рáньше находился глáвный ствол. Машинá стучáла и шипѣла, приводя в движѣние нѣсколько установленных перед ней насóсов. Тóлстые шлáнги ужé пульсировали под напóром воды. Солдáты подтáскивали трúбы и шлáнги к взóрванному входу.

«Пóнял я это дѣло, — догадáлся Волóдя и почувствовал, как вся кóжа у него на тѣле покрылась холóдными пупырышками: — это онѣ нас, как сúсликов, водой хотя́т залить. Эх, как бы запóмнить тóчно, куда онѣ провóдку дѣлают, чтóбы не перепúтать! Жаль, нет Вáни Грицѣнко. Он тут лúчше меня разбира́ется.

На́до бы́ло немедленно, не дожидáясь положенного часа, вернúться под зѣмлю и сообщить командованию о нóвом дьявольском плáне нѣмцев. Ясно бы́ло, что гитлеровцы, увидев, что ни глубинные бóмбы, ни мѣнные завáлы, ни отравляющие гáзы не дѣйствуют на зага́дочных и невидимых упря́мцев, владеющих нѣдрами непокóрной земли, реши́ли тепѣрь утопѣть их в морской водѣ. Для этого онѣ протяну́ли трúбы от мóря до каменоло́мен и ужé прóбовали тóлстые шипящие насóсы.

Волóдя ужé представлял себѣ весь úжас подземного наводнѣния. Низвергáясь свѣрху, хлы́нет холóдная вода; сметáя всё на пути, ринется вниз, забушúет в подземных галлерѣях, ревя́, всё зальѣт, всё затóпит в темнотѣ... А вы́ходы замурóваны, и нѣкуда девáться лю́дям. Настигáет их во мрáке вода... Вот она́ хлестну́ла по ногáм, вот она́ ужé выше колѣн. Поползла́ на грудь, вы́студила сѣрдце. И всё прибывáет, прибывáет. Зáлило фонари́. Лю́ди бара́хтаются во тьме, прóбуют вы́плыть на повѣрхность пото́ка, хотя́ надеяться ужé нѣ на что. Уровень воды́, вздымáясь тúпо и неуклóнно, близится к потолкú. И вот дáльше ужé нѣкуда

всплыва́ть — пове́рхность воды́, хлю́пнув, сомкну́лась с шерша́вой плóскостью ка́мня. Нет бо́льше под землёй ме́ста для живы́х. И все гíбнут — и Корни́лов, и командíр с комисса́ром, и Олюшка, и дядя Манто́, и сам он — все...

Воло́де ста́ло так стра́шно, что у него́ срáзу заледене́ли ру́ки и но́ги, сло́вно он уже́ погрузи́лся в э́тот холо́дный, неумоли́мый пото́к, кото́рый до́лжен был ско́ро уничто́жить всех доро́гих ему́ люде́й.

Он ещё раз огляде́лся, глубоко́ вдохну́л сладча́йший зи́мний во́здух. Так простóрно бы́ло вокру́г, так светло́, и не́бо бы́ло я́сное, без о́блачка...

Эх, посиде́ли бы вы с ме́сяц в подземе́лье, где над са́мой голово́й день и ночь — те́сный ка́менный свод, так по́няли бы тогда́, как высо́ко э́то во́льное, ширóкое не́бо. И до чего́ же легко́ и вку́сно дыша́лось здесь, на пове́рхности! А там, куда́ на́до бы́ло неме́дленно, сейча́с же, сию́ мину́ту, верну́ться, что могло́ ждать Воло́дю? Мрак, уду́шье и пото́м всео́бщий че́рный подзе́мный пото́п...

Прика́з партиза́нского кома́ндования запреща́л днём, при све́те, возвраща́ться в каменоло́мни. Но Воло́де да́же и в го́лову не приходи́ла мысль, что он име́ет пра́во побы́ть пока́ наверху́, где так простóрно и светло́. Нет, уцеле́ть здесь одному́, в то вре́мя как все други́е поги́бнут — нет, э́того Воло́дя и предста́вить себе́ не мог.

Он знал: доро́га была́ ка́ждая мину́та. Необходи́мо сейча́с же предупреди́ть партиза́н. Ве́чером, возмо́жно, бу́дет уже́ по́здно...

Спря́тавшись в засне́женной ложби́нке, осторо́жно вы́глядывая из-за кусто́в, Воло́дя ожесточе́нно те́р плечо́м ще́ку, лихора́дочно перебира́я все приходи́вшие ему́ в го́лову спосо́бы спасе́ния отря́да.

Не кинуться ли, на сча́стье, прямико́м к лазе́йке? Пусть стреля́ют. Не срáзу же попаду́т...

А е́сли подстре́лят? Кто же тогда́ предупреди́т партиза́н?

Мо́жет быть, подползти́ вон к тому́ шлангу́, попрóбовать перепили́ть прокля́тую кишку́ безопа́сной бритво́чкой, ко-

то́рая всегда́ храни́лась у Володи́ в карма́не, и́ли зубáми пере́грызть?.. Да что то́лку? Ну, перере́жет он оди́н шланг, а други́е оста́нутся. И вон те чугу́нные тру́бы бритвочкой не возьми́шь.

Нет, лу́чше вы́копать осторо́жненько фаши́стскую ми́ну зата́янно́го де́йствия. Володи́я, прополза́я над каменоло́мнями, приме́тил не одну́ такую́... Да, вы́копать, подползти́ с ней под са́мую гла́вную трубу́, а пото́м издали потяну́ть за верёвку (у запáсливого развѣдчика́ был припрятан в карма́не мото́к) и подорва́ть ми́ну вме́сте с трубопрово́дом...

План э́тот сперва́ о́чень понравился Володи́. Но пото́м он сообрази́л, что взрыв вы́зовет большúю трево́гу у гитлеровцев: сбегу́тся солда́ты и схва́тят партиза́нского развѣдчика́. Конечно́, Володи́ им ниче́го не ска́жет, как бы ни пыта́ли, лу́чше умре́т. Но там, под землёй, то́же ведь никто́ не расска́жет партиза́нам о случи́вшемся, не предупреди́т их о том, что ещё́ грози́т подзе́мной кре́пости, когда́ фаши́сты испра́вят трубу́.

Нет, всё э́то не годи́лось. На́до бы́ло де́йствовать неза́метно. Одна́ко проникну́ть при све́те дня в оце́пленные каменоло́мни, где вокру́г бы́ли расста́влены карау́лы гитлеровцев, бы́ло почти́ невозмо́жно. И всё же Володи́ реши́л не ждать́ темноты́.

«Ниче́го, проскользну́ ка́к-нибудь... ниче́го... не заме́тят», шепта́л про себя́ ма́ленький развѣдчик, прýчась от часовы́х за вы́вороченными глы́бами известняка́, осторо́жно, боя́сь вздохну́ть, прополза́я ме́жду ми́нными лову́шками. И он полз, весь дрожа́, припада́я у́хом к обледене́лой земле́, вжима́ясь в неё, бесшúмно подтя́гиваясь, всё полз и полз — в двадцати́ ме́трах от гитлеровцев... Володи́ хоро́шо слы́шал их гу́лкие ша́ги. Иногда́ каза́лось, что они́ б́ухают во́зле са́мой его́ головы́. Он, замира́я, пýтился, отполза́я в сто́рону, лежа́л мину́ту-другúю прислу́шиваясь, сно́ва начина́л пробира́ться к своему́ ла́зу.

Вот наконѣ́ц и те два большúх ка́мня, под одним из кото́рых была́ трѣщина, изве́стная одному́ лишь Володи́. Он прики́нул расстоя́ние до ка́мней. В три прыжка́ мо́жно бы́ло

добраться до лазейки, скользнуть в её спасительную тень. Но вдруг, почти над самой головой, Володя услышал негромкую немецкую речь, стук металла о камень. Он прижался к мерзлой земле, застыл неподвижно, потом очень медленно приподнял голову... и чуть не заплакал от ярости и досады. Надо же ведь! Уже почти добрался, никем не примеченный, до своего лаза, а тут вдруг... Двое гитлеровских солдат — один с автоматом, другой с винтовкой — вышли из-за больших камней и уселись в нескольких шагах от Володиного лаза, о существовании которого они, видно, и не подозревали. Ничего было и думать о том, чтобы проникнуть теперь в лазейку. Солдаты, наверно, входили в один из патрулей, карауливших все замурованные выходы из каменоломен. Володя слышал, как чиркнула спичка, потом до него донёсся характерный запах немецкого табака — кнастера. Должно быть, солдаты расположились здесь надолго. А время шло. Дорога была каждая минута.

Что же было делать? Наш разведчик совсем измаялся в небольшой яме, куда он заполз прятаясь. Ему вдруг вспомнился давнишний случай в штабе, когда Зябрев подшутил над ним и Ваней Гриценко, заставив мальчиков представить себя хоть на некоторое время командирами. Тогда, несколько минут побыв на месте начальника, Володя впервые почувствовал, как велика ответственность, которую смело принимает на себя командир. Володя тогда понял, что если отвечать за других, за всех, то надо быть очень сильным. Иначе не справишься.

А теперь он, именно он, Володя Дубинин, отвечал перед самим собой за жизнь всех, кто был там, под землёй, всё теперь зависело от него одного. Вся надежда была на него. Они же там, под землёй, ничего не знают. И только он может предупредить их — он, и никто иной кроме него!

Впервые в жизни ощущал Володя такую огромную, такую грозную ответственность за жизнь нескольких десятков людей, каждый из которых ему несказанно дорог. Но сейчас он вдруг почувствовал, что эта ответственность за жизнь людей делает его взрослым, сильным, большим. Он

ощутил в себе необыкновенную решимость и осмотрелся вокруг теперь уже спокойно, внимательно. Если минуто назад мальчик готов был от отчаяния царапать землю, то сейчас он снова стал опытным разведчиком, предельно осторожным в каждом движении, быстро примечаящим и способным мгновенно делать выводы.

Неподалёку от камней, скрывающих в своей тени Володину лазейку в каменоломни, росли густые колючие кусты. Маленький разведчик, в голове которого внезапно созрел хитрый план действия, бесшумно пополз в заросли. Ещё раз ощупал он моток верёвки в кармане. Потом по дороге ему попала толстая палка, неоструганная, ещё сырая, надломленная посредине. Он и её прихватил с собой.

Подобравшись к кустам, Володя лёжа вытянул из кармана верёвку, размотал конец, согнул по надлому прихваченную им по пути палку, сделал из неё рогадку, привязал к толстому сучу над землёй и стал отползать в сторону, продолжая тянуть за собой разматывающуюся верёвку. Так он пополз в небольшое углубление. Теперь его отделял от камней, между которыми находилась лазейка, лишь небольшой каменный пригорок. Через него можно было перескочить в один миг. Надо было лишь отвлечь гитлеровцев от этого места. И вот, припав к земле за скрывающим его пригорком, Володя стал дергать верёвку, протянутую к кустам. Привязанная к сучу палка запрыгала, стучаясь об обледенелые сучья зарослей.

Но патрульные, сидевшие возле Володиного лаза, были увлечены разговором и ничего не замечали. Володя продолжал слышать возле камней их голоса. Он дернул сильнее — палка застучала; кусты шевельнулись, шурша с них посыпались на землю сосульки и смёрзшиеся лепёшки снега. Володя услышал, как вскочили патрульные, разом прервавшие свою беседу. Он опять несколько раз подряд подёргал верёвку, кусты задвигались так, словно кто-то полз под ними, пробираясь через заросли.

— Ахтунг! Хальт! Стоять! — проревело чуть ли не над самой головой разведчика.

Он замер на секунду. Но тут же сообразил, что солдат кричит не ему, а зашевелившимся кустам, и что есть силы задёргал свою верёвку. Он услышал, как забухали, удаляясь от него, сапоги патрульных, спешивших к зарослям. Донеслись резкие окрики. Пронзительно залился караульный свисток. Послышался топот сбегавшихся гитлеровцев, которые, должно быть, оцепляли подозрительно ожившие кусты. Потом раздалось несколько выстрелов. Видно, фашисты всполошились не на шутку.

Но Володя, хотя ему было и очень интересно узнать, что будут дальше делать гитлеровцы, не стал терять времени. Он давно уже привязал к тому концу верёвки, который был у него в руках, небольшой камешек. Убедившись, что солдаты отбежали достаточно далеко от лазейки, он сам мгновенно очутился возле неё. С силой метнул по склону холма камешек, и тот увлек за собой верёвку. Теперь она не могла направить гитлеровцев к подземному ходу. Володя ещё раз огляделся, юркнул в трещину — и был такъв!

Через несколько минут, пробравшись через подземные завалы, наощупь найдя в темноте уже знакомую дорогу, он со всех ног несся по подземным коридорам.

Он так спешил, что, добежав до штаба, совсем было задохнулся и не сразу мог рассказать Лазареву о своём страшном открытии. Впрочем, к его удивлению, командир отнёсся к этой новости довольно спокойно. Правда, он сейчас же вызвал Жученкова и аварийную команду, приказал немедленно ставить две прочные стёнки в верхней галлерее, там, где в последние дни слышался звук бурения.

— Ты сядь, Володя, отдышись, — успокаивал он мальчика. — Ну, чего ты так перепугался? С огнём справились — и воду одолеем. Поставим плотину наверху. А что ты такое дело сегодня разведаль — конечно, очень важно. За это тебе от всего командования спасибо, дорогой! Могли бы они нам дел надёлать. Это ты нас просто спас.

Была объявлена тревога.

Все свободные от дежурств и караулов партизаны были

срочно направлены в верхний ярус. В полной тишине, чтобы не привлечь внимания немцев, продолжавших орудовать над самой головой у партизан, начали возводить внутренние стены и перегородки ими коридоры, которые вели к опасному участку.

И во-время! Каменные перегородки еще не были окончательно сложены, когда сверху через один из стволов хлынула вода, шумно бурля. Она быстро затопила верхнюю галлерею, ударила струйками сквозь щели еще не зацементированных каменных стен. Высоко держа над головами шахтерские лампочки, по колéно, а кое-где и по грудь в студёной воде, партизаны заделывали отверстия в подземных плотинах. Всю ночь шла работа. К утру вода уже не проникала в нижние галлерей. Но так как немцы могли каждую минуту пустить воду через другие шурфы, партизаны продолжали возводить водонепроницаемые каменные преграды на всех подозрительных участках верхних галлерей.

За двое суток все эти коридоры были наглухо заделаны камнем и замазаны цементом.

Но Лазарев хитрил, когда, говоря с Володей и узнав от него о готовящемся затоплении шахт, утверждал, что ничего страшного пока нет.

Командир просто не хотел, чтобы и без того уставшие и задёрганные люди взволновались от новой беды, угрожавшей им. На самом-то деле Лазарев отлично понимал, какая ужасная опасность нависла над подземной крепостью.

Необходимо было немедленно же принимать какие-то решительные меры, чтобы заранее предотвратить гибель отряда...

ПУТЬ НАВЕРХ

Казалось, уже целая жизнь прожита здесь, под землёй. Странная, вчера ещё считавшаяся невероятной жизнь, где не было деления на дни и ночи, где сверху, снизу, со всех сторон и вокруг и везде был один сплошной камень, и лишь

выточенные в его толще глубинные пустоты были ничтожным пространством, в котором возможно существование человека.

Но всё шло своим порядком, строго соблюдаемым в подземной крепости. Гудели телефоны в штабе, сменялись караулы, выставлялось боевое охранение в секторы «Волга» и «Киев». На нижнем горизонте политрук Корнилов ежедневно вёл с партизанами учебную стрельбу по свечкам. В ленинском уголке Володя проводил в свободное от работы время пионерские сборы.

Впрочем, свободного времени теперь почти не оставалось.

В три смены, ни на минуту не останавливаясь, не ведая о том, ночь или день на земле, партизаны работали «на подземном объекте № 1».

«Объектом № 1», чрезвычайным и сверхударным, партизаны величали новую узкую штольню, которую прорезали теперь в одном из самых отдалённых участков каменоломен, где тянулся на километры заброшенный, давно не разрабатываемый горизонт. Жученков определил, что место это находится далеко за пределами каменоломен, оцепленных гитлеровцами, и хорошо укрыто двумя холмами. Там можно будет выйти незамётно навёрх.

Пробиваться вручную изнутри, вести тоннель вверх, врезаться в толщу камня, нависшего над головой, осыпавшегося, слепящего глаза едкой крошкой, было делом мучительным. Люди работали в полумраке, устроив из обрезков фанеры, а кто просто из газет защитные козырьки. Работали упрямо, яростно, в душном полумраке, где клубилась разъедающая глаза известковая пыль. Долговязый дядя Яша Манто и тут, впрочем, находил немало поводов для своих постоянных шуток.

— Бóже ж мой! — слышалось то и дело из узкой щели, где стояла укрытая фанерным щитом шахтёрская лампочка и вырисовывалась похожая на огромное тóщее пугало тень шеф-повара. — Бóже ж мой, сколько на мою голову шишек достается! Ведь это на всех хватило бы с запасом!

— Это почему же? — спрашивали партизаны, ожидая остроты.

— Да очень просто, — отвечал дядя Яша. — Там, где все проходят вполне свободно, я через мой выдающийся рост на каждом повороте определяю собственной головой прочность камня. Нет, видно, я родился на свет не для того, чтобы жить под землёй, а чтоб ходить под открытым небом, с поднятой головой... Ну, оставим разговор, давайте работать. Учтите, что мы с вами роём не просто выход. Это выход с того света на этот. Только разобраться в этой темноте, где тот свет, а где этот, довольно трудно.

Пионеры тоже работали на «объекте № 1». Они помогали разбирать и выносить из забоя мелкий камень. Проголодавшиеся, потные, облепленные известковой пылью, от которой начинала зудеть кожа, они шумно являлись на камбуз, где их встречал тот же Манто.

— Как говорится, подведём итоги, пока итоги не подвели нас, — шутил дядя Яша, уже снявший фартук каменщика и надевший поварской халат.

Комиссар Котло тоже полагал, что можно подвести кое-какие итоги. Ближился конец года. Уже полтора месяца выдерживала осаду маленькая подземная крепость. Положение становилось, правда, с каждым днём всё более трудным, никто этого не скрывал. Но всё-таки партизаны оттянули на себя специальный полк гитлеровцев. Более двух тысяч солдат днём и ночью караулили район каменоломен, страшась новой вылазки партизан. Полтора ста фашистов было перебито во время большого подземного сражения и в других схватках и вылазках. Немецкое командование продолжало считать, что под землёй скрываются крупные силы партизан.

Полтора месяца дралась против армии захватчиков горсточка насквозь прокоптившихся, мучимых постоянной жаждой людей, едва насчитывающая теперь вместе с детьми уже девяносто человек. Седьмую неделю не видели эти люди солнца и звёзд. Уже сорок с лишним дней не имели они ни одного глотка свежего воздуха. И холодный камень

был их небом, бессменная тьма давила им на глаза, могильная сырость ломала их суставы. Но они жили здесь, внизу, так, как решили жить, как требовала их совесть.

Давно уже свикся и Володя с этой жизнью, удивительной, ни на что не похожей как будто, но в то же время во всем отвечающей тем большим, мудрым привычкам и законам, которым подчинялась его жизнь и там, наверху, до войны.

Шли политзанятия у бойцов. В ленинском уголке при свете лампочек-карбидок пионеры рисовали, клеили, переписывали подземную стенгазету. Политрук Корнилов проводил воспитательные беседы. Володю сперва удивляло, а порой даже обижало, что Корнилов был так требователен и точен во всех занятиях, не прощал малейшей провинности в подземной службе, бранил за пустяковое опоздание или самую мелкую неаккуратность. Но потом Володя понял сам, как важно было здесь, под землей, в потёмках, точно следовать всем правилам, которым подчинялась та большая, залитая солнцем, свободно дышавшая, просторная жизнь, что была наверху до прихода врага. Он замечал, что всем — бойцам и партизанам, и придирчивой тете Киле, и злой на язык Наде Шульгиной, — всем нравилось, что они и тут, под камнем, живо замурованные фашистами, ведут жизнь такую, какую полагается вести обыкновенным советским гражданам. Это сознание наполняло всех ощущением гордой и упрямой силы: живём, мол, честно, как у нас заведено, и ничего с нами враг поделать не может, пока мы живы...

За право жить так, как совесть велит, погиб командир Зябрев, чудо-человек. За это сложили головы и комсомолец матрос Бондаренко и старый партизан Иван Гаврилович Шустов. А теперь за то же умирает общий любимец — лейтенант Ваня Сергеев.

Была необходима срочная операция. Но кто же мог сделать её под землей? Вся надежда была на «объект № 1». Может быть, выйдя на поверхность и добравшись до Старокрымских лесов, соединившись с другими партизанами,

мóжно б́ыло бы отыскáть хирúрга и спасти́ Вáню, е́сли он тóлько доживёт до э́того дня.

По расчётам Жученкóва, ведя́ рабóты в три смéны, за четы́ре-пять недéль мóжно б́ыло проб́ить нóвый тоннéль и ув́идеть нéбо. По прикáзу команд́ира, Мантó ужé распреде- ли́л продúкты, разлю́жил их, как он выража́лся, по двадца- т́и килó на дúшу и спи́ну, предупред́ив, что во врéмя пере- хóда отря́да на повéрхность «кáмбуз б́удет закры́т на учёт». Тётя Ќиля вмéсте с дéвушками ужé собира́ла веще́ые мешки́.

Отря́д гото́вился в́ыскользнуть из ка́менной западни́.

Одна́ко выходи́ть без разв́едки б́ыло нельз́я. Нúжно б́ыло сперва́ ещ́е раз пров́ерить, нет ли неме́цких патрúлей и караúлов в райóне предполага́емого в́ыхода. Затéм необ- ход́имо б́ыло связа́ться с партиза́нами Пахо́мова. Его́ отря́д держáлся в Аджи́-Мушка́йских каменоло́мнях, далеко́ от Ста́рого Кара́нтина, в противополо́жном конце́ Кéрчи.

Но как пробра́ться туда́?

И о́пять, навали́вшись на стол, вобра́в крúглую го́лову в ши́рокие плéчи, уперéв подборóдок в в́ыпуклую грудь, сидéл в хму́ром раздúмье комисса́р Котло́.

Все б́ыли здесь, в шта́бе, и сам команд́ир Ла́зарев, тóлько что верну́вшийся с «объéкта № 1» и то и де́ло вы- та́скивавший из-за вóрота колю́чие кро́шки раку́шечника, и нача́льник строи́тельства, он же гла́вный подрывни́к, Жу- ченкóв, и, как всегда́, тща́тельно побри́тый, с аккура́тной бе́лой поло́ской над воротникóм закоптёлой гимнасте́рки Корни́лов, и шеф-по́вар Мантó. Все б́ыли тут, и ка́ждый понимáл, что остава́ться до́льше в неизв́естности, проби- ва́ться навéрх вслепу́ю нельз́я. На́до что́-то предприня́ть, нúжно ужé сейча́с в́ыслать навéрх разв́едку.

Ла́зарев в́ыковырял па́льцем из у́ха заб́ившуюся туда́ раку́шечную пыль, наклон́ил на э́ту сто́рону к плечу́ го́лову, потря́с ёю, как э́то де́лают купа́льщики, ныря́вшие с голо- во́й и тóлько что в́ылезшие из воды́.

— Всю́ду зала́зит, прокля́тая! — проговори́л он. — И наéлся и наню́хался. И у́ши полны́ и рот. Не отплюёшься!

— Я так полагаю, товарищ командир, — вмешался тут же неисправимый Манто, — что это нам необходимо для внутренней побелки, а то мы совершенно насквозь прокоптылись. Так не вечно же нам быть черненькими, пора стать и беленькими.

Все невесело усмехнулись. Командир встряс ракушечный песок из другого уха и сказал:

— С Пахомовым нам связаться — прямая надобность. Они, в случае чего, могут там шумок поднять, на себя немцев оттянуть, тем самым и от нас внимание отвлекут. Ну, а мы в это время как раз и двинемся отсюда. И вообще нам связь с аджи-мушкайцами крайне нужна.

— Не могу! — сказал комиссар и, расправив грудь, поставил оба тяжелых кулака на стол. — Всё правильно, всё верно, но не могу я еще раз допустить, чтобы опять пионеры на риск шли.

— Опасно откладывать это дело даже на день, даже на час опасно, — возразил Лазарев. — Весь день сегодня наверху какая-то возня идет. Мне уже сообщали из «Киева» и с «Волги». И взрывы какие-то там хорошо прослушивались. Видно, немцы к Новому году хотят нам тут какой-то «подарок» приготовить. И надо ждать, что вот-вот они воду качать начнут. Ну хорошо, на этих секторах мы штольни и шурфы закрыли, а что, если они через другие стволы заливать станут? Никак нельзя, товарищи, нам ждать. Да и выходить, если даже все благополучно пройдет, нам вслепую нельзя никак.

Котло сказал:

— Может быть, все-таки попробуем на этот раз без ребят обойтись? Есть у меня один лаз на примете. Если там завалы разобрать, можно попробовать выбраться. Я уж третий день туда ползаю. Думается мне, там вокруг чисто.

Так было решено отправить наверх через обвалившийся лаз Важенина и Макарова, двух самых опытных и смелых партизан, бывалых разведчиков. Высчитав по часам, когда на поверхности будет ночь, разведчики неслышно разобра-

ли у одного непримётного выхода завал и тихонько выползли навёрх.

Но не продвинулись они там и двух метров, как раздался сильный взрыв. Целый рой огненнокрасных хвостатых трассирующих пуль взвился над лазом в сливающейся трескотнё выстрелов. Злой луч прожектора обдал камни у входа леденящим мечущимся сиянием. Через несколько минут в лаз приполз задыхающийся, тяжело раненный Макаров; на спине своей он тащил убитого Важенина. Оба подорвались на одной из незаметных мин, которыми фашисты усеяли всё пространство возле каменоломен.

Макаров как вполз в штольню с телом погибшего друга, так и остался сам лежать на каменном полу в беспомощности. И больше уже не приходил в сознание. К вечеру он скончался.

Так партизаны потеряли самых бесстрашных и испытанных своих разведчиков — Власа Важенина и Николая Макарова.

Долго стояли потом угрюмые пионеры-разведчики в почётном карауле у их тел, покрытых алым знаменем.

Теперь комиссару ничего не оставалось, как ещё раз согласиться и разрешить поручить дело юным разведчикам. Снова всех должен был выручить последний Володин лаз, через который никто, кроме мальчиков, не мог протиснуться навёрх.

Но, может быть, за последние дни фашисты обнаружили и эту потайную лазейку? Может быть, и она уже заминирована?

— Знаю, как быть, — решил комиссар. — Пиратка, иди сюда, собачий сын, живо!

Из тьмы подземного коридора донёсся залиvistый лай, потом послышался скрежет когтей о камень, и через минуту Пиратка уже прыгал вокруг хозяина, терся об него закоптелой шерстью, старался лизнуть в лицо, отряхивался, гавкал.

А ещё через четверть часа к узкой щели в конце одной из галлерей, откуда из-под камня врывался свежий, паху-

чий вѣтер с вѣли, подполз комиссар, таща за собой Пирата, которого он крепко ухватил за шею. Чтобы Пират не разлаялся, морду ему стянули ремешком, что вызвало бурное негодование пса. Он пытался несколько раз лапами содрать ремни, стянувшие ему челюсти, но потом печально смирился, тем более что его ждали новые унижения. С двух сторон к его ошейнику привязали на верёвках тяжёлые металлические болванки.

С этим Пират решительно не мог примириться. И у самого лаза, где чуткие ноздри его жадно втянули сладчайший воздух поверхности, от которого он почти отвык, Пират упёрся и опасливо попятился назад. Как ни толкали его, как ни подпихивали, как ни старались просунуть барахтающееся, срывающееся с камня тело собаки через щель, как ни уговаривал комиссар своего любимца, сперва называя его всеми ласкательными охотничьими словами, нежнейшими кличками, уговаривая, а затем перейдя на довольно обидные выражения, вроде: «Собака ты, собака, сучья лапа, псыная кровь», ничего не помогало. Пират не желал вылезать и поднимал такую возню, что находишь тут поблизости кто-нибудь из фашистов, обошлись бы они без звукоуловителей...

— Чует, собачий сын, пёс чортов, что-то неладное, — решил в конце концов комиссар. — Нельзя тут ребят выпускать. Пиратка зря упираться не станет, тут есть что-то... Вѣрьте слову.

Но тут вмешался сам командир группы юных разведчиков.

— Товарищ комиссар, — сказал Володя — вы совсем зря бойтесь за нас. Ничего тут нет. Ну хотите, давайте проверку сделаем.

— А как же ещё ты проверку сделаешь, если Пират осрамился?

— А я вот вспомнил, как меня покойный дядя Шустов учил. У нас там около штаба прутья длинные из железа валяются, которые приготовлены были на строительство. Вот мы к концу привяжем сейчас болванки, высунем их через

лаз и пошáрим тудá-сюдá. А мóжно ещё крюк сдéлать на концé. Забрóсим, а обрáтно за верёвку тяnúть бóдем. Если где мýна залóженная есть, срáзу зацéпит — и трах! Вот мы и узнаём, заминíровано íли нет.

— Эх, головёшка ясная! — сказáл Котлó. — Запóмнил, чемú учíли! — И он осторóжно положíл свою ширóкую ладóнь на Волóдину макúшку.

Так и сдéлали. Дóлго щúпали прутáми зéмлю вóзле трéщины, забрáсывали и подтягивали за верёвку желéзные крjúчья. И тóлько тогда, когда убедíлись, что вокрúг лáза всё чíсто и нёмцы, вíдно, не разнjúхали об éтой спасíтельной нóрке, командíр и комиссáр разрешíли Волóде дéйствовать. Решенó бýло вы́пустить Волóдю перед рассвéтом, чтóбы он мог в темнотé вы́браться за предéлы каменолóмен, пронíкнуть зáтемно в посёлок, а там уж дéйствовать, когда бóдет светлó. На éтот раз Волóдя шёл одíн: Вáня Грицénко занемóг, а Тóля Ковалёв зашíб нóгу на объéкте. Да и вообще удóбнее бýло сейчáс рисковáть в одиначку. Как всегда перед развédкой, Лázарев и Котлó подрóбно, негрóмко и дóлго разъясняли Волóде задáние. Нáдо бýло раз-узнáть, не провёлí ли нёмцы трúбы в другíе шúрфы и штóльни, не вы́ставили ли онí постóв в райóне, куда вы́дет штóльня «объéкт № 1». Но глáвное и сáмое трúдное бýло не в éтом. Задáние, котóрое на éтот раз дáли мáленькому развédчику, бýло потруднéе, чем всё, что дéлал до éтого Волóдя Дубíнин. Емú предстояло добрáться до Кёрчи, а оттúда кáк-нибудь пройти в Аджí-Мушкáй и любýми путýми установíть связь с Пахóмовым.

— Всё пóнял, Волóдя? — И комиссáр пытлíво заглянул в смышлénные, смéло и серьёзно смотрévшие на него глазá Волóди. — Вíжу сам, что пóнял. Знáчит, ёсли убедíшься, что над объéктом нáшим всё спокóйно, нóвого водопровóда нигдé нёмцы не соорудíли, ты не возвращáешься. Есть? А прямиком отправляешься в Аджí-Мушкáй. Снарядím мы тебя основáтельно, дéло éто не на одíн день. Так что, — Котлó легóнько усмехнулся, — так что, друг мой, до бóдущего гóда ужé не увíдимся...

Володя нахмурился, потёрся подбородком о плечо, снова вскинул свои усталые глаза, в которых теперь проступил испуг:

— Это так надолго? До следующего года?

— Год-то следующий послезавтра будет, умная твоя голова!

Володя остолбенел. Под землёй дни легко путались, сливались в один нескончаемый, огромный тусклый день, не имевший ни утра, ни вечера. Недавно они начали готовиться с пионерами в ленинском уголке к встрече нового, 1942 года. Но всё последнее время Володя был занят на объекте. Он как-то не заметил, что время уже подошло и Новый год наступит через день. А вот ему придётся встречать Новый год одному, неизвестно где, среди врагов, в трудном пути, в поисках тайных путей к далёким и нужным друзьям-спасителям. Ни разу ещё Володе не было так страшно уходить из подземной крепости наверх.

— Ну, ничего, дружище! — утешал его комиссар, заметив выражение растерянности и беспокойства на лице мальчика. — Вернёшься — отпразднуем Новый год на славу.

Сейчас подземелье показало Володе таким уютным... Никогда ещё не было ему так жалько расставаться с ним. При одной мысли, что через час он окажется на ледяной земле, словно помертвевшей во власти ненавистных захватчиков, его начинал пробирать озноб.

Пока дядя Яша Манто кормил его ужином, а тётя Килья собирала ему еду на дорогу, Володя успел отдать последние распоряжения своим пионерам. Толя и Ваня, сквозь сон услышав, что Володя идёт в разведку, разом прибежали к нему, и оба внимательно слушали то, что называл им «командир группы». Остальные пионеры уже спали.

— Повторяю, — говорил Володя: — первое, значит, — подготовить отряд к встрече Нового года. Встречать будете без меня. Поручаю это дело Ване, отвечать будет передо

Юные разведчики партизанского отряда, находившегося в каменоломнях Старого Карантина: Володя Дубинин (слева), Толя Ковалёв (в центре) и Ваня Гриценко.

мной. Теперь: Оле и другим, которые у нас малыши, приготовить подарки, то-есть закончить, что мы для них начали. Закончите без меня. Поручаю Толе Ковалёву, отвечать будет передо мной. Всё. Вопросы имеются?

Толя и Ваня молчали. Ваня трясся, кутаясь в одеяло, накинутое на плечи. Толя спросил:

— Почему же ты один? Ну, если Ваня больно́й, так я ж совсем здоровый... Нога́ только чуть...

— А я не про эти вопросы тебе сказа́л! — отрезал Володя. — Можешь спрашивать о задании. По этому вопросу есть вопросы?

Но по этому вопросу вопросов не было.

— Повторить задание! — приказал Володя.

Оба пионёра посмотрели на Акилину Яковлевну, потом на дядю Яшу.

— Чего ещё повторять! — буркнул Ваня.

— И так запомнили, — поддкнул ему Толя.

— А я кому сказал: повторить!

— Ну что повторять! — проворчал Толя. — Ну, к Новому году подготовиться... Потом ещё для маленьких подарки закончить... Володька, возьми меня!

— Ишь, какой! — засмеялся Володя. — Возьми его! А ты через лаз не просунешься.

— Это я потому, что за Ваню его порцию съел на ужин, раз он больной и сам не хочет, — признался Толя. — А то бы взял, Володя, а?

Но Володя не слушал его.

— Спасибо большое вам за угощение, дядя Яша! И вам спасибочко, тетя Кия!

— На здоровье, на здоровье, дорогой! — проговорил Манто.

— Не за что, милый, не за что, счастливо тебе! — скороговоркой отвечала Акилина Яковлевна и всхлинула.

А потом, как всегда в таких случаях, политрук Корнилов усадил его на каменную лежанку, сам сел рядом и обнял его за плечи, тихо говоря:

— Ну, давай напоследок, перед дорогой, посидим тихонько, обо всём подумаем...

ПОСЛЕДНЯЯ РАЗВЕДКА

Наверху была оттепель, и снег, по которому полз Володя, то и дело припадая к нему губами, уже слежался и оседал под тяжестью тела целыми пластинами. С моря доносился непрерывный то усиливающийся, то слегка стихающий гул. Видно, вчера был шторм и море ещё не успокоилось после него. Ветер с пролива был не сильным и нес тёплую приятную свежесть, по которой так скучали люди там, внизу, под землёй.

Вокруг было очень тихо. Ни звука не доносилось и со стороны посёлка. Только где-то на окраине стучал движок¹.

Володя благополучно прополз знакомой ложбинкой, трогая руками дорогу перед собой, чтобы не напороться в темноте на проволоку, не зацепить верёвочные щупальцы мин. Несколько раз он замирал, прислушиваясь. Тишина, на этот раз ничем решительно не нарушаемая, начинала казаться ему уже странной. Всегда в этот час уже хлопали двери и калитки в посёлке, перекликались простуженные голоса патрульных, урчали прогреваемые моторы грузовиков. А сейчас ничего не было слышно.

Очувшись за знакомой оградой домика на краю посёлка, откуда обычно начинался путь юных разведчиков, Володя долго ещё насторожённо вглядывался в редевшую темноту, вслушивался, напрягая уши. Чуткий слух его распознал какие-то очень далёкие шумы, приглушаемые грохотом прибоя. Но вокруг всё попрежнему было тихо.

Прошло не меньше часа. Вдали, над Камыш-Бурюном, небо уже розовело, готовясь принять утреннее солнце. Птицы завопились в голых ветвях. Громко попрежнему и настойчиво стучал где-то неподалёку движок. Но всё в посёлке оставалось тихим и неподвижным.

Обычно Володя ждал часа, когда на улицах посёлка начиналось движение: тогда можно было, смешиваясь с народом, следовать своим путём, не привлекая к себе внимания. Но сегодня он уже порядком застыл, хотя и принимался то и дело приседать за оградой, хлопать себя, скрестив руки, по плечам кулаками, чтобы согреться. Время тянулось очень медленно. Улицы продолжали быть пустыми, безлюдными и молчаливыми. Напрасно Володя высовывался за ограду, проглядывал всю улицу и влево и вправо — нигде не было видно ни живой души. Тогда маленький разведчик, которому уже наскучило сидеть за каменной оградой, тихонько вышел на улицу, быстро пересёк её и пошёл огородами вдоль посёлка, в котором всё казалось словно вымершим.

¹ Д в и ж о к — передвижная электрическая станция.

Володя шёл туда, откуда доносился настойчивый стук движка. Вскоре он очутился на пустыре перед большим домом. Раньше там жил инженер, который эвакуировался перед захватом Камыш-Буруна немцами. Ныне в доме помещался немецкий штаб. Это уже давно высмотрели разведчики партизан во время своих предыдущих вылазок. Здесь всегда по утрам царило оживление, подъезжали машины, мотоциклы, толпились солдаты.

Ни живой души не было здесь сегодня. Пустынен был двор с пятнами машинного масла на снегу. Воробьи беспрепятственно прыгали, роясь в замёрзшем навозе и в наброшенном сене. Не было часового под большим деревянным грибом у ворот. И только в глубине двора под навесом продолжал стучать движок на высоких железных колесах.

Володя подобрался немного поближе и остановился в изумлении. Стекло в большом окне инженерского дома было выбито. Штора затемнения, наполовину оборванная, клочьями свисала на подоконнике. А за ней Володя разглядел что-то пёстрое, сверкающее, повитое гирляндами многоцветных огней.

Мальчик смотрел на это чужое и волшебное видение, напомиравшее ему такие сладкие, чудесные дни. Он боялся поверить тому, что видел. Но кто хотя бы раз в жизни вдыхал воздух, напоенный запахом хвои и тёплым дыханием свечей, уютящихся в душистых ветвях, кто слышал лёгкое хрустальное теньканье хрупких цветных шаров, сияющих стекляшек, перезвон бусинок, тот всегда узнаёт с первого же взгляда этот сказочный, лучистый знак ребячьего счастья.

Да, это была ёлка. Ёлка в огнях, в игрушках и бусах, опоясанная радужными гирляндами электрических лампочек. Они ярко горели за разбитым окном, в сумраке комнаты, в которую заползал свет зимнего утра.

С каждой минутой становилось всё светлее и светлее на улице, и вместе с тем тускнели ёлочные огни за окном. А Володя, ничего ещё не понимая, глядел из-за угла сарая в этот странный мир, так внезапно заставший, полный не-

подвижности и молчания. Это было какое-то мертвое царство, как в сказке о спящей царевне. Утренний ветер упал. неподвижно висела на окне оборванная синяя штора. Слабый дымок над трубой, казалось, остеклянел на небе. неподвижно горели на ёлке цветные лампочки. Только движок под навесом стучал попрежнему часто, настойчиво, упрямо, словно хотел разбудить этот заснувший мир.

Провода от двигателя тянулись к дому. И Володя пошёл вдоль них, приблизился к крыльцу, тихонько постучался. Никто не ответил ему. Он прошёл к окну, подтянулся руками так, чтобы заглянуть внутрь комнаты.

Страшный беспорядок был в ней. Скатерть сползла с большого стола, на котором друг на дружке валялись упавшие бутылки. Сгрудились в беспорядке стулья. Один стул лежал на диване. Шкаф был распахнут настежь. Одежда словно вытекла из него на пол длинными струями материи. В комнате не было ни души. Но в ней царило какое-то немое смятение. И дико выглядели продолжавшие гореть на ёлке огни лампочек.

Ничего ещё толком не понимая, но охваченный предчувствием каких-то удивительных, ошеломляющих событий, только что свершившихся здесь, не понимая ещё их значения, полный страха и надежд, Володя бежал по улице к центру Старого Карантина.

И вдруг до него донеслись мерные звуки слаженного шага многих людей. Он остановился разом. Прислушался. Так захлебнулся воздухом, что долго не мог откашляться, припал к калитке дома, которая открылась от толчка, испугав Володю. Звуки приближались.

Тррапп!.. Трам!.. Тррапп!.. Трам!.. — раздавалось на тихих улицах. И с каждым мгновением звук этот становился громче, приближаясь и уверенно заполняя собой всё вокруг. Напрасно торопливо стучал там, за пустырем, где только что был Володя, с безнадежной настойчивостью делавший своё дело движок. Новый, мерный звук уже заглушал его. Он отдавался в проулках замершего посёлка, на него отзывалась каждая клеточка в теле юного разведчика,

Потому́ что он уже́ знал э́тот про́чный, ла́дный шаг, сво́йственный то́лько на́шим моря́кам. И Воло́де каза́лось, что с ка́ждым ша́гом стано́вится светле́е на у́лицах, сло́вно са́мо у́тро вступа́ло в Ста́рый Кара́нтин, шага́я в но́гу с те́ми, кто сейча́с до́лжен был показáться из-за угла́. Тррапп! Трам! Трррапп! Трам! Звук уже́ каза́лся Воло́де оглуши́тельным. Вцепи́вшись в ко́лья огра́ды, просу́нувшись ме́жду ни́ми, весь пода́вшись вперёд, ча́сто дыша́, Воло́дя гляде́л на доро́гу с нетерпе́нием, кото́рое стано́вилось уже́ соверше́нно непере́носимым.

И вот он увида́л наконёц! В бы́стро рассе́ивавшемся у́треннем су́мраке, сло́вно сгоня́я его́ прочь с земли́, шли лю́ди в таки́х знако́мых чёрных бушлáтах¹, в чёрных шинéлях, перехвáченных ремня́ми, в бескозы́рках, сдви́нутых с заты́лка на брóви. Но е́сли бы да́же и не рассмотре́л Воло́дя столь знако́мых ему́ бушлáтов и бескозы́рок с кра́сными звёздами и ле́нточками, всё равно́ с одно́го взгля́да по́нял бы он, что э́то иду́т свои́. Да, э́то не был пара́дный гуси́ный шаг, каки́м ходи́ли ещё́ неда́вно часовы́е у неме́цкого шта́ба, — шаг с носка́ на вы́тянутых, сло́вно окочене́лых нога́х, бу́дто про́бующих про́чность земли́, пре́жде чем ступи́ть на неё. Э́то не был бу́хающий со старáтельностью то́пот фаши́стских патру́лей, старáющихся показáть, что они́ вла́ствуют над землёй, кото́рую попира́ют то́лстыми подо́швами, подби́тыми гвоздя́ми. Нет, э́то был лёгкий и вме́сте с тем о́чень про́чный, во́льный, но стро́го подчинённый одно́му вдохно́вляющему движе́нию шаг люде́й, кото́рые уве́ренно ступа́ют по сво́ей со́бственной землё, всегда́ зако́нно им принадлежа́вшей и вот о́пять сно́ва отвоёванной.

И, уже́ ни о чём не ду́мая, рывко́м перемахну́в че́рез огра́ду, кину́лся Воло́дя навстрéчу им. Всё забы́л он в э́том мгнове́нье — и пра́вила передви́жения разведчи́ков, и все наставле́ния Корни́лова, и необходи́мый поря́док в обра́щении к нача́льству. Он с разбе́гу кину́лся пра́мо на грудь шедшего́ впереди́ с автома́том на руке́ вы́сокого моря́ка в

¹ В б у ш л á т а х (бушлáт) — в матро́ских суконных ку́ртках.

фуражке с козырьком и с красной звездочкой — должно быть, старшины.

— Дяденька, дядечка! Товарищ командир, ой, ура!.. Разрешите обратиться? — бормотал он, крепко ухватившись за отвороты командирского бушлата.

Старшина немного удивленно глядел на него, стараясь отодрать Володины руки от своего бушлата. О грудь его колотилась лохматая голова, с которой упала на мерзлую землю ушанка. Полные сумасшедшей радости огромные глаза смотрели с невероятно чумазого, закопченного лица мальчишки.

— Стой! Ты что?.. Погоди... Ну?.. Ты откуда, такой дух чёрный, выскочил? — смущённо спрашивал старшина. — А ну, отцепись, что ты в самом деле... А ну, кому я говорю?

Володя отпустил командира, справился с волнением и восторгом, которые бушевали в нём уже безудержно, отскочил на шаг, вытянулся, приложив руку к шапке:

— Разрешите обратиться, товарищ старшина? Командир группы разведчиков партизанского отряда Старого Карантина Дубинин Владимир прибыл в ваше распо... то-есть нет... вы же сами прибыли... Нет... Дядя, вы с Черноморского флота?.. А немцев что, уже повыгнали, да? Ой, вот уж ура, вот ура!

Он пятился перед шагающим старшиной, продолжая держать руку у шапки, что есть силы стараясь соблюдать положенный порядок, но сбиваясь от счастливого смущения.

— Да ты хоть стань вольно, — сжалился наконец над ним старшина. — Тянется, тянется... Стой вольно, говори толком. Кто такой? Почему, как дух, чёрный весь?.. Отряд, стой! — крикнул он своим.

Моряки остановились; задние через головы стоявших впереди с любопытством разглядывали черномазого, тяжело дышащего мальчугана с жарко горящими от радости глазами.

— Верно, что дух... С того света, что ли, выскочил?.. А глазёнки-то прыгают — обрадовался!.. Эй, ты, дух копчёный! — слышалось из рядов.

— А ну, кончай! — прикрикнул на своих старшина и обратился к Володе, слегка склонившись к нему: — Ты выкладывай живенько: какой-токой отряд, что за партизаны?

— Дядя старшина, товарищ командир, мы тут в каменоломнях... два месяца уже... Нам все ходы немцы цементом... а кругом заминировали. У нас там один сильно раненный погибает. Лейтенант... У нас тут бой вышел, дядя старшина... Я вам сейчас всё скажу. Мы ведь вас... мы так вас...

И вдруг Володя почувствовал, что он сейчас постыдно расплачется, заревёт, как девчонка. Он сам не мог понять, что с ним происходит, но ничего не мог поделать с собой. Губы у него разъезжались в стороны, горло перехватывало, он хотел сказать ещё что-то, но, махнув рукой на все правила, схватил обеими руками командира за рукав и ткнулся лицом в толстое чёрное сукно бушлата, где был нашит красный суконный знак минера.

— Ну, чего ты? Подберись, малый, — успокаивал его старшина. — Натерпелся, видно, мальчонка... Теперь уж чего горевать-то! Полный порядок. Ты давай, малый, подберись да выкладывай, что тебе нужно...

Через пять минут старшина уже знал все подробности о старокарантинских партизанах и о подземной крепости, в которую были замурованы девяносто смельчаков.

— Стало быть, сейчас надо будет выволять твоих, — решил старшина, внимательно выслушав весь рассказ маленького разведчика.

— Нет, нет! — забеспокоился Володя. — Вы так сразу туда не идите: там кругом всё заминировано. У нас двое наших подорвались, чуть было вылезли. Надо сперва там разминировать. Я вам покажу, дядя, где ход туда. Вы только скажите, товарищ командир: немцев уже всех повыгнали отсюда? А в городе тоже уже наши?

— Наши, дорогой, наши, со вчерашнего дня уже. Десант¹ был, на Феодосию и на Керчь. Шторм только нестати выдался, а то бы ещё позавчера дело кончили... Жукá-

¹ Д е с а н т — войска, высаженные на вражескую территорию.

лов! Тарáскин! — вѣзвал он из рядóв двух морякóв. — Давáй сюда! Отведёте мáлого к капитáн-лейтенáнту, долóжите, как и что. Он даст сапёров. А пáрень ука́жет, где там ходы имéются. Ясно? А покá тут нáдо охрáну поста́вить. А то из населéния кто-нибудь кíнется в каменолóмни, а там — он вот говорíт — мíны. Охóтно вéрю. Дéйствуйте!

Покá Жукáлов и Тарáскин велí Волóдю к шкóле в Камыш-Бурúне, где был штаб одной из частéй Черномóрского флóта, участвовавшей в десáнте, Волóдя узнал от своих спúтников всё, что произошлó за два послéдних дня.

А произошлó вот что. В тёмную декабрьскую ночь кораблí Черномóрского флóта неслышно приблízились к бéрегу и нáчали вѣсадку десáнта в нéскольких пúнктах Кéрченского полуóстрова. Мóре в ту ночь бúшевалó, стоял десятиградусный морóз. Судá обледенева́ли. Шторм достíг сýлы в 11 бáллов. Чёрные валы грозíли вѣбросить кораблí на бéрег, смыть и унести́ в мóре высáживавшихся десáнтников. Но морякí прыгали в ледяную вóду, пробира́лись, погружённые по гóрло, к бéрегу, закрепля́лись на кáждом кáмне. Шторм помешáл вѣбить нёмцев с пёрвого удáра. Гíтлеровцы счита́ли, что онí справились с десáнтом. На мóре продолжáл свирéпствовать шторм, и нёмцы бы́ли убеждёнý, что советское командование не возобновíт своих попы́ток. Но неожíданно, во тьме бúри, в стúже декабрьской нóчи, послéдовал вторóй удáр. Он был так стремíteлен и внеза́пен, что гíтлеровские офицёры, справля́вшие рождéственскую ёлку, едва́ успéли бежáть из Стáрого Карантíна. Онí не успéли дáже вѣключить мотор передвигнóй электростáнции, котóрая дава́ла ток в штабные помещéния.

Пóсле вѣсадки пёрвого десáнта нёмцы вѣгнали из Стáрого Карантíна всех жítелей. Вот почему́ така́я тишина́ встрéтила в посёлке Волóдю, когда́ он вѣбрался из каменолóмен на повéрхность. Тепéрь со всех сторóн тяну́лись лю́ди, возвращáвшиеся в свои жили́ща.

Мáленький развёдчик срáзу подумáл о своéй мáтери. Емú óчень хотéлось сейчáс же бросíться бегóм к дóмику.

дяди Грицѣнко, черепичная крыша которого виднѣлась из-за оголенных деревьев поселка. На минутку у него мелькнула мысль: не попросить ли провожатых зайти к его матери? Но он знал, как томятся ожиданием ничего еще не знающие партизаны, замурованные под землей. Он вздохнул, оправил стѣганку и зашагал, стараясь попадать в ногу с моряками.

Вскоре в штаб явились сапѣры. У них были длинные щупы¹ с кружками на концѣ, лопатки, длинные ножницы, которыми обрезают проволоку. Поверх шапок были надеты скѣбки с телефонными наушниками.

— Ты поведешь? — спросил командир сапѣров у Володи. — В таком случает доложи сперва обстановку.

Доложив обстановку, Володя уже собрался уходить вместе с сапѣрами, но в дверях повернулся и козырнул капитан-лейтенанту:

— Товарищ капитан-лейтенант, можно просьбу одну? У меня тут мама... в общем, родная моя мать... Она в доме номер одиннадцать живет... Если, конечно, жива, то дать бы ей сообщение, что я целый. Можно будет? Скажите просто: Володя... Если, конечно, можно, товарищ капитан-лейтенант.

— Есть сказать, в общем, матери, что ее Володя целый, — согласился командир. — Будь спокоен. Сделаем. Действуй!

Когда Володя вместе с сапѣрами выходил из Старого Карантина и они поровнялись с бывшим инженерским домом на окраине, маленький разведчик отпросился на минутку, обещая немедленно же вернуться. Он промчался во двор, где уже давно замолк и остыл стучавший утром движок. Он вбежал через крыльцо в большую комнату, осторожно снял с елки несколько крупных сверкающих безделушек, рассовал их по карманам, содрал белые провода с маленькими цветными лампочками и намотал их на себя. Потом он бегом вернулся к сапѣрам.

¹ Щупы (щуп) — приспособления в виде длинного прута для обнаружения мин.

Моряки прыгали в ледяную воду, пробирались к берегу, закреплялись на каждом камне.

— Эгэ! Парень, видать, не зевает... расторопный, рядом не кладёй, — пошутил старший сапёр. — Весь в трофеях. Куда же тебе это добро?

— Что я, для себя, что ли? — обиделся Володя. — У нас там маленькие есть.

— Ох ты, неужто и маленькие? А я думал, как ты, не меньше!

— Во-первых, я уже, как-никак, учился в седьмом классе. И уже давно пионер, скоро комсомолец... А там у нас совсем маленькие.

...Обсле́довав оди́н из вхо́дов в каменоло́мни, к кото́рым Воло́дя привёл сапе́ров, лю́ди убед́ились, что тут потре́буется не оди́н час рабо́ты. Не́мцы о́чень хитро́ заминиро́вали все подхо́ды к зава́ленным ла́зам.

— Тут, па́рень, не оди́н день копа́ться, — сказа́л ста́рший сапе́р. — Ну, коне́чно, тропочку, что́бы аккурати́но одному́ пройти́, мо́жно бу́дет очи́стить, да там ещё́ зава́л, вида́ть. Вот е́сли ва́ши бы оттуда́ навстре́чу расчища́ли, э́то бы друго́й разгово́р был.

— Так я же к ним че́рез свой лаз могу́ хоть сейча́с же! — обра́довался Воло́дя, кото́рому уже́ не терпе́лось скорее́ верну́ться к своим и пе́рвым сообщ́ить об освобо́ждении.

— А не подорвёшься? — спроси́л сапе́р.

— Я ж сюда́ проле́з.

— Ты поаккура́тней, смотри́. А то, зна́ешь, в на́шем де́ле немно́го оши́бся — наве́к пропа́л... Стой, обожди́! — задержáл он уже́ кинувшего́ было́ бежа́ть Воло́дю. — Я с тобо́й на́шего челове́ка пошлю́. Пусть пощупа́ет доро́жку. Верне́е бу́дет.

Сгора́я от нетерпе́ния, Воло́дя осторо́жно сле́довал за высо́ким пожи́лым сапе́ром, ме́дленно дв́игавшимся за сво́им щупом по доро́жке к ла́зу. Ма́ленький разв́едчик высовыва́лся из-за плеча́, стара́лся загляну́ть под локтя́ми сапе́ра, потому́ что тот не велёл обходи́ть его́, прика́зав держáться позади́.

— Ой, дяденька, вы поскорее́! Да тут же́ ничего́ нет, я же да́веча проле́з и це́лый оста́лся.

— Не торопи́сь на тот свет, поспе́ешь, — невозмут́имо отвеча́л сапе́р, ме́дленно ш́ествуя вперед́и. — Держи́сь за мной, не отходи́ в сто́рону.

— Че́стное сло́во, дядя, зря вы э́то...

— Не спеш́и. Не блох лóвишь. Поспе́ешь, — невозмут́имо отвеча́л сапе́р и осторо́жно води́л сво́им щупом по доро́ге.

Но вот наконё́ц и знако́мый лаз.

Сапе́р да́же не заме́тил его́. Воло́дя был о́чень дово́лен.

Он нарочно пропустил вперёд сапёра, а потом неслышно прилёг и скользнул в узкую расщелину.

— Ау! — крикнул он из лаза.

— Ну, чего ещё? — отозвался сапёр, оглянулся и стал, озираясь, ничего не понимая: Володя исчез. — Эй, не балуй, говорю! Нёкогда мне с тобой тут в прятки играть!

— Не спешите, дядя, не блох ловите, поспеете! — крикнул Володя, высовывая голову из лаза. — А я уже дома. Заходите чай пить с парадного крыльца. Спасибо, дядя, что проводили. Только мне некогда. Наши ждут.

И он исчез.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Он бежал по узким каменным коридорам подземелья, не зажигая спичек, уже наизусть зная каждый поворот. Как голубь летит к своему дому, непостижимо чувствуя верную дорогу в пространстве, так, чутьём угадывая в темноте путь, несся мальчик по извилистым подземным ходам. А если где и стучался, то не чувствовал боли от ушиба.

Впереді забрѣзжил вялый желтоватый свет.

— Стой! — услышал он. — Кто идёт?

Его окликнули с первого поста охранения. Он узнал голос Лёни Кобышкина, парикмахера.

— Лёня, что ль?

— Ну, Лёня... Это там кто?

— Лёнька, Лёнька! Слушай, Лёничка, это я...

Из темноты штольни на пространство, слегка освещённое лучом фонаря, стоявшего за выступом, выскочила маленькая фигурка, бросилась на часового и стала тормозить его:

— Лёня, бросай пост, давай со мной в штаб! Я тебе скажу... до неба подскакнешь сквозь камень. Честное пионерское! Слышишь, Лёня? Наши пришли, немцев выгнали! Я уже с главным командиром повидался, всё объяснил... Сейчас нас освободят станут. Нечего тебе уже тут стоять. Сходи с поста!

— Слушай, ты брось... брось шутки шутить, — заволновался Кóлышкин, хватая в полумраке Волóдю за плечó. — Ты что, правду говоришь или так, дурить?

— Да правда же, Лёня, правда! Идём со мной в штаб, мне некогда, там всё расскажý.

— С поста не уйдý. Не имéю на то права. Ты иди, бегй скорей, коль правду говоришь. Напóмни там, чтобы меня сменили... Ох ты, вот так штука! Не вёрится прямо!

Волóдя исчéз в темнотé, но тóтчас снóва показáлся на миг у фонаря:

— Ты смотри тóлько в штаб не звони, что я сказáл. Я сам скажý. Слышь, Лёня? Прошý, как человекá.

И он пропáл во мраке штóльни.

Ещё два рáза оклика́ли бежавшего Волóдю караульные посты. И на кáждом он успевáл кóротно сообщитъ об избавлénии. Емý бýло жáлко растрáчивать éти драгоценные слова́ чудесной нóвости, слова́, котóрые он ужé приготóвил, обдúмал, сóрок раз на бегу́ повторил про себя́, чтобы они прозвучáли как мóжно торжéственнее. Он представлял себе́, как вбежит в штаб, оглядит всех командиров и скажет: «Товáрищи командиры! Явился к вам с великой вéстью! Час избавлénия настáл...» Нет, лóчше не так. «Прóбил час нáшего избавлénия! Там, над нáми, нáши, Крáсная Армия, советская власть. Ура́!» Но так как на кáждом посту́ он не мог удержáться, емý приходилось хоть и кóротно, но всё же сообщáть о том, что он узнал наверху́, то глáвные, прибережённые им к концó слова́ начинали остывáть. И когда́ Волóдя ворвáлся, не доложившись, в штаб, где на него́ стрóго поглядéли находившиеся как раз там Котлó, Лázарев и Корнилов, от волнénия и от бы́строго бéга он вообще́ ужé ничего́ не мог сказáть.

— Что это ты? Вернулся уже́, Волóдя? В такой час? — спросил, вставáя, Корнилов.

— Беда́, что ль, какáя? — Комиссар нагнулся к нему́ и поднёс к лицу́ фонарь.

— Нáши там, наверху́, пришли́ нáши! Скорее! — закричал Волóдя, забыв все приготóвленные им выражénия. —

Моряки там... Красная Армия... Десант был. И в Феодосии тоже... Сейчас сапёры работают, и можно навёрх...

Все встали. Три фонаря разом приблизились к лицу мальчика. Трое командиров молча заглянули ему в глаза. Синие, красные, жёлтые ёлочные лампочки на белых проводах, которыми был обмотан Володя, отразили свет фонарей.

— Стоп! — негромко, сорвавшимся голосом проговорил Лазарев. — Не части так. Не разберу ничего. Давай сначала, по порядку.

И, уже совсем отказавшись от роскошно приготовленного плана извещения, боясь, что ему не поверят, Володя с ученической готовностью и не в силах отдышаться от радости, распиравшей его, рассказывал командирам подробно с том, как поразила его утром, когда он вылез на поверхность, непонятная тишина в посёлке, и как он увидел в инженерском доме ёлку, брошенную немцами, и как встретил моряков, и как привёл сапёров. Он кончил, облизав пересохшие губы и выжидательно поглядел на командиров. Он уже заранее представлял себе, ещё когда бежал сюда, как вскочат они, услышав поразительную весть, как закричат. Но командиры молчали. Только Лазарев прокашлялся и, повернувшись к комиссару, низким голосом раздельно и тихо проговорил:

— Ну, Иван Захарович...

Комиссар молчал, медленно откидываясь и расправляя свои широкие плечи. А Корнилов тихо произнёс:

— Значит, дождались и мы...

И вдруг комиссар шагнул вперёд, схватил левой рукой — в правой у него был фонарь — Володю за плечи.

— Володька ты... мальчуган... — глухо проговорил он и крепко прижал к себе маленького разведчика.

Что-то слабенько хрустнуло. Володя испуганно отстранился, высвобождаясь. На пол посыпались серебряные скорлупки. И Володя вытащил из нагрудного кармана раздавленную ёлочную безделушку.

— Что-то я тебе повредил? — испуганно осведомился комиссар.

— Это я для Оли да малышам нашим с немецкой ёлки принёс.

— Эх ты! Какой я косолапый! — окончательно смутился комиссар.

Но будто вместе с раздавленной ёлочной игрушкой лопнуло и оцепенение, в котором находились сейчас эти люди, два месяца несшие ответственность за жизнь почти сотни своих товарищей.

Командиры, что-то говоря наперебой, смеясь, кинулись жать друг другу руки, обниматься. Корнилов аккуратно смотрел с Володи проводка с лампочками и уж потом заключил его в свои объятия. И понеслась по подземным коридорам ошеломляюще радостная весть об освобождении. И долго ещё Володя перелетал из одного объятия в другое, и оказывался то в этом штрёке, то в соседнем, и чувствовал на своей щеке поцелуи, слёзы, а на спине — весёлые тумаки от друзей-пионеров, пока не почувял жар и запахи кухонной плиты и не очутился в камбузе, где его приняли в свою хватку длинные, цепкие руки дяди Манто. И все разом замолкли, понимая, что уж на этот раз дядя Яша отличится, произнесёт какую-нибудь необыкновенную остроту, которую потом будут повторять годами.

Но Манто посмотрел на всех и сказал:

— Вы, конечно, ожидаете, что я вам скажу сейчас такое, что вы будете смеяться всю жизнь. Но о чём я могу уже сказать после того, что сказал наш Володичка? У Якова Манто весёлых слов хватало и хватит на все трудные случаи жизни, не сомневайтесь. Но на такой случай у Якова Манто нет слов. Он молчит. Вот это и запомните.

И он, моргнув, отвернулся, делая вид, что ему необходимо что-то поправить на плите.

Все замолчали тоже. Но тут кто-то из партизан вдруг спохватился:

— Товарищи, который час? Надо сменяться, заступать на объекте. Дядя Яша, дай поесть, пора на вахту.

Все, по привычке, заторопились. Стали разбирать посуду, потому что пришёл час сменяться на строительстве

«объекта № 1», где пробивали тайный спасительный выход из замурованных каменоломен.

— Погодите! — закричала дежурная по кухне Надя Шульгина, уже принявшаяся сама было расставлять миски на столе. — Погодите, — повторила она, поражённая какой-то внезапной мыслью. — Ведь теперь не надо, наверное, пробивать выход. Ведь наверху же везде свободно. Вы только, граждане, подумайте: везде свободный выход!..

И тут только, сейчас, окончательно дошло до сознания людей, что они свободны, что не надо пробиваться сквозь камень к жизни, что жизнь, отвоёванная заново, ждёт у каждого выхода, готовая принять их в свои свежие, солнечные, просторные объятия.

Однако надо было ещё расчистить эти выходы. И первым делом поднять на поверхность Ваню Сергеева, которого, может быть, ещё не поздно было оперировать и этим спасти. Оказалось, что Лазарев, сняв бойцов, работавших на «объекте № 1», уже направил их в штольню, указанную Володей, чтобы разобрать завал и облегчить работу сапёров, действовавших с поверхности. Все бросились в ту штольню. Корнилову, во всём любящему порядок, пришлось строго следить за тем, чтобы лишние люди не толпились в штольне и не мешали друг другу работать.

Нужно ли рассказывать, что было дальше, когда сапёры, разминировавшие вход, и партизаны встретились у входа из завала и по-братски обнялись друг с другом! Как самых дорогих на свете гостей, повели за руку старшего сапёра и его товарищей вниз. Партизанам выходить на поверхность было пока не приказано: опасались мин, ещё не убранных сапёрами. Но через расчищенный проход первым выскочил на снег комиссаров Пират, вдруг почувывший, что теперь можно уже выйти на волю. Он кувыркался, подпрыгивал, громко лаял, катался по снегу, успел лизнуть в нос Володю и так шумно и беспокойно для всех выражал свою радость, что в конце концов пришлось на него прикрикнуть. Пират присмирел и вернулся на камбуз, где лёг возле очага дяди Манто, обиженно вздыхая: «Эх, мол, жизнь наша собачья!

И погавкать-то на радостях как слéдует не дадут». Но, получив от дяди Яши превосходный пóнчик с консервированным мясом, в концé концов с жизнью примирился.

Мéжду тем старший сапёр объяснил командíру, что пока проход продéлан очень узкий, итти по нему можно только гуськом, в затылок, в сторону не сбиваться, так как всё кругом заминировано. А на улице уже вечер — легко ошибиться. Сапёры просили потерпеть до завтрашнего дня, чтобы с рассвета начать работу и тогда уже выводить всех людей без опасения на волю. Поэтому Лазарев поставил часового у входа и строго-настрого приказал никого не выпускать без разрешения командíра.

Прéжде всего надо было позаботиться о раненых. С большим трудом и всяческими предосторожностями вынесли на поверхность Вáню Сергеева. Остальных раненых можно было пока не тревожить.

К но́чи Лазарев разрешил выйти на поверхность Шульгину и Пекерману. До этого оба были вызваны в штаб, где в то время находился и Володя Дубинин. И все долго совещались о чём-то. Самого Володю командир навёрх больше не пустил и, как тот ни просился, приказал ему остаться под землёй и готовиться к праздничной встрече Нового го́да.

Володя вызвал своих пионéров — Толю Ковалёва и быстро поправившегося на радостях Вáню Гриценко, — и они принялись за работу. Партизаны видели, как ребята притащили зачём-то электрическую проводку, которая была давно сорвана с шахты главного ствола, где в мирное время был электрический свет. Пионéры укрепили проводку и большие лампы на стенах. Надя Шульгина и Нина Ковалёва вырезали из старых, отсыревших газет кружева и украшали ими полки в камбузе. Дядя Яша Манто, весело напевая, готовил грандиозный новогодний пирог, аромат от которого растекался по всему подземелью.

— Нет, это не земной аромат, — приговаривал дядя Яша, — это не земной аромат — это подземный аромат.

А к но́чи явились гости, с трудом пробравшиеся по

узкой, расчищенной сапёрами тропке. Тут были и старшина, с которым утром встретился Володя, и капитан-лейтенант, пославший сапёров в каменоломни, и незнакомый товарищ из Керчи, и посланец от аджи-мушкайских партизан Пахомова. Все они прошли в штаб.

— Богато живёте, ей-богу! — приговаривал капитан-лейтенант, оглядывая подземе́лье, ящики и шкафы, каменные лежанки и приюхиваясь к соблазнительным ароматам, которые доносились из подземного царства дяди Яши.

Пришедшие взволнованно оглядывали жадно обступивших их закоптелых, исхудалых людей с белыми полосками от радостных слёз на чёрных щеках. Гости видели аккуратных часовых, стоявших на своих постах, чисто подметённые ходы-пещеры, портреты Ленина и Сталина, винтовки в стойках, противогазы над каждой лежанкой.

— Порядок, смотрите, порядок! — говорил довольный капитан-лейтенант. — Как на подводной лодке!

— Да, в плавании были, — отозвался Котло.

Между тем Шульгин тащил от расчищенного входа длинный провод, шушукался в потёмках с Володи́ей и его пионерами, то и дело бегал навёрх, пользуясь данным ему на этот вечер разрешением командира. Словом, всем было ясно, что он готовит какую-то новость.

В большом, просторном коридоре, между штабом и камбузом, уже ставили столы, скамьи, ящики, тумбы из ракушечника. И партизанские хозяйки, вытащив нарядные скатерти, снесённые сюда, вниз, подальше от немцев, накрывали ими длинный праздничный стол. А Надя Шульгина, маленькая Оля Лазарева и Нина Ковалёва обряжали небольшую ёлочку, приташенную Пекерманом сверху. Это была, правда, не ёлка, а маленькая сосенка, но она, конечно, вполне могла сойти и за ёлку. Чем плоха, в самом деле! А когда повесили на неё красные флажки и бусы, пожертвованные на этот случай Ниной, и перевили ветви проводами с трофейными лампочками Володи Дубинина, а на самой верхушке укрепили настоящую красноармейскую

звездú, то все убедились, что на свéте и нé было никогда ёлки лúчше, чем ésta.

Зáнятый всéми éstими чудéсными пригото́влениями, Во-ло́дя и не замéтил, как Пекерма́н вь́звал в бокову́ю штóльню Нíну Ковалёву, а она́ крíкнула туда́ же На́дю. Воло́дя насторожи́лся и услы́шал го́лос, одíн звук кото́рого заста́вил дро́гнуть и отча́янно забíться его́ сёрдце.

— Ох, темень-то, духота́ у вас какáя! — донесло́сь до него́ из штóльни. — А где же Во́вочка-то?..

— Воло́дка! Слы́шишь? — закрича́л Ва́ня Грице́нко. — Это же тётя Ду́ня, че́стное сло́во! К тебе́ мать пришла́!

Воло́дя не знал, что капита́н-лейтена́нт сдержáл своё сло́во и посла́л сообщíть ма́тери ма́ленького развёдчика о её сыни́шке. И Евдоки́я Тимофе́евна то́тчас же кíнулась к каменоло́мням. Её не пусти́ли туда́, за про́волоку, моряки́, поста́вленные в оцепле́ние. Она́ простоя́ла там до вéчера, пока́ рабóтали сапёры, а потóм уви́дела Шульгина́. И партиза́ны, получи́в разреше́ние командíра, с вели́кой осторо́жностью провели́ узко́й тропой́ Воло́дину мать в подземёлье.

Услы́шав го́лос ма́тери, Воло́дя ра́зом соскочíл с табу-ре́тки, сто́я на кото́рой он укрепля́л плака́т на ка́менной стене́, и кíнулся в боково́й проход.

— Куда́ же ты? — удиви́лся Ва́ня.

— Сейча́с! Скажи́, я... сию́ мину́ту верну́сь!

А дядя́ Грице́нко уже́ бежа́л навстрéчу Евдоки́и Тимофе́евне:

— Здравствуй, Ду́ня! (Они́ обня́лись.) Здравствуй, Евдоки́я Тимофе́евна! (Они́ ещё́ раз поцелова́лись.) Здоро́во, кума́ дорогáя! (Они́ поцелова́лись в трéтий раз.) Вот и уви́делись, сла́ва бо́гу, живы́е. Как там Ани́юта-то мо́я? Не слыха́ть? Забра́ли её, слыха́л...

— Выпусти́ли её. В Ке́рчи она́ пока́.

— Ну, спасибо́ тебе́ за до́брые вéсти, дорогáя! Вот ра́дость-то у нас!

— А где ж Во́вочка-то? — слегка́ задыха́ясь и беспо-койно́ вгляды́ваясь в полумра́к, спросíла Евдоки́я Тимофе́евна.

— Да сейчас он тут с Ваней был... Вовка, где ты там? Мать пришла, а он...

— Он сейчас, сию минуту... — поспешил объяснить Ваня. — Здравствуйте, тетя Дуня! С наступающим праздником вас!

— Да праздник уже к нам пришёл! — откликнулся дядя Гриценко. — Ну, вот он, твой Вовка.

Мать стремительно обернулась и увидела Володю. Он уже успел сбегать в свой штрек и теперь стоял в полном снаряжении боевого партизана: две гранаты на поясе, плотно стянувшим стёганку; за плечом — на ремне знаменитый обрѣз, пионерская пушка; поперѣк живота — трофейный немецкий автомат «шмайсер». Голову Володи покрывала ушитая, но тем не менее сползавшая на брови и топырившая ему уши бескозырка с золочёной надписью «Береговая оборона» — память о погибшем Бондаренко.

Володя решил явиться к матери во всей своей партизанской красе. Вот он сбился, желанный, загаданный час свиданья!

— Здравствуй, мама! — неверным баском проговорил Володя, козырнул, но сам смутился и протянул матери руку: — Ну, как поживаешь? Здоровье твоё ничего?

Ему было уже очень неловко держать в руке немецкий автомат, и вообще всё вышло не так, как он задумал. Да и мать как-то заробела и стеснялась посторонних, подавленная непривычной обстановкой подземелья. Озабоченно

Иван Захарович Гриценко.

всмáтриваясь в изменёвшiеся черты́ Волóдиного лица́, она́ тiхо отвéтила:

— Ох, Вóвочка, здрáвствуй, дорогóй! Ничегó здорóвье, спасiбо тебé. Как ты тут?

— Я... тóже ничегó. Обыкновенно. А от пáпы есть что?

— Где ж тут мóжно бýло — от пáпы? Ведь у нас нёмцы стояли.

— Знáю я...

— Да поцелуйтесь вы, шут вас возьми́ совсем! — не вытерпел дядя Грицёнко. — Одичáл совсем пáрень! Стóлько мать не видáл, такóе врéмя пережи́ли, а он ей рúчку тянет! Тьфу!

Волóдя подошёл к мáтери, придёрживая одной́ рукой́ гранáты, другой́ — óчень ему́ мешáвший прокля́тый немецкий автомат, и нелóвко поцеловáл Евдокию Тимофеевну в щёку. Она́ схватiла его́ чумáзые щёки, стiснула ладóнями и стáла целовáть, рáзом залiв его́ лицó слезáми.

Но тут послышались твёрдые, крупны́е шагi. Волóдя живо отскочил от мáтери, оправляя кúртку, пряча за спину ору́жие. Вошёл комиссáр, за ним шли Лázарев, Жученков, Корнилов и гóсти свёрху.

В руках у комиссáра был большóй испiсанный лист бума́ги. Партизány стáли рассáживаться на скамья́х и табурéтах. Когда́ все размести́лись, командiр Лázарев спросил, обращáясь в стóрону боковой́ штóльни:

— Ну, Шульгин, как у тебá там?

— Всё в порядке! — донеслóсь из штóльни.

— Ну, давай тогда́.

И внезапно́ всё, что бýло два мéсяца совсем почти́ чёрным iли в рéдких слúчаях жёлто-сéрым, вдруг, в одно́ мгновéнье, стáло ослепiтельно бéлым. Людi зажму́рились, прикрывáя ладóнями глаза́.

Это вспыхнули электрические лампочки, нiти котóрых накалил ток от немецкого движкá, притáщенного партизányми ко входу́ в каменолóмни. В том и был задуманный сюрприз Шульгина́ и Пекермана́.

Крóхотные цветны́е огоньки́ зажглись и в ветвях ново-

гóдней ёлки. Как прáзднично и у́ютно вы́глядело сейчáс ещё за минúту мрáчное кáменное подземéлье! Но когда лю́ди немнóжко привы́кли, приглядéлись к свéту и вы́терли слезя́щиеся глазá, оглушительный хóхот раздáлся в нédрах каменолóмен. Лю́ди смотрели друг на дрúга и хохотáли доупáду, валясь с табурéток, колотя́ друг дрúга по плечáм и спíнам. Какíе все бы́ли чумáзые, грязные, закоптéлые!

Нáдя и Нíна вырывáли друг у дрúга зёркальце, смотрелись в него́, закрывáлись рукáми. Никáк не могли́ приттí в себя́ партизáны, впервы́е за два мéсяца разглядéвшие друг дрúга. Дóлго не смолкáл богаты́рский хóхот, сотрясáвший сáмые отдалённые углы́ подземéлья, и часовы́е у вхóда прислу́шивались к нему́: «Что там такóе внизú — обвáл, что ли?»

А потóм, когда́ все наконéц успоко́ились, встал комиссáр Котлó. Дядя́ Яша Мантó бéрежно поста́вил посреди́ столá своё дíвное творéние — громáдный пирóг с пятиконéчной звездóй, искúсно вы́ложенной на кóрке. Потóм он и тётя́ Кíля разли́ли всем по кру́жкам и стакáнам то, что имéлось в неприкосновéнном запáсе отря́да. И комиссáр произнёс речь.

— Товáрищи! — сказа́л комиссáр. — Дороги́е товáрищи, боевы́е друзья́! С вели́кой рáдостью встреча́ем мы сего́дня Но́вый год, кото́рый мы начина́ем прáздником нáшего избавлéния. Вот товáрищи с флóта сообщ́или, что твёрдо сто́ит на своём мéсте Москвá, и товáрищ Стáлин в Москвé, с наро́дом. И крéпко удáрила Крáсная Армия́ по нёмцу́ под Москвóй. Откíнула его́. И хóчется мне сказа́ть вам, товáрищи...

— Простíte, товáрищ комиссáр, — наклоня́ясь к úху Котлó, прошепта́л подбежавший Пекермáн. — Я приёмник наладил, из Москвы́ товáрищ Калíнин говорít.

— Калíнин говорít, Михай́л Ива́нович говорít!

Стáло óчень тíхо, тóлько слы́шно бы́ло, как болтáет нóжками, стúкая каблукáми о табурéт, мáленькая Оля Лázарева, притíхшая на колéнях у мáтери и не сводívшая глаз с лáмпочек на ёлке.

И из небольшо́го картонного рупора, кото́рый принёс, волоча́ за собо́й дли́нный про́вод, Пекерма́н, послы́шалось: — Дороги́е това́рищи! Гра́ждане Со́ветского Сою́за! Рабо́чие и рабо́тницы! Колхо́зники и колхо́зницы! Со́ветская интеллиге́нция! Бойцы́, команди́ры и политрабо́тники Кра́сной Армии и Во́енно-Морско́го Флота́!

При э́тих слова́х Миха́йла Ива́новича Калі́нина сиде́вший во́зле Ла́зарева капита́н-лейтена́нт опра́вил ките́ль, бро́сил взгляд на старшину́, а тот погляде́л на окружа́ющих.

— Партиза́ны и партиза́нки! — продолжа́л Калі́нин, и все, кто был за столо́м, ра́достно перегляну́лись, подта́лкивая друг дру́га локтя́ми. — Жи́тели со́ветских райо́нов, вре́менно захва́ченных неме́цко-фаши́стскими оккупан́тами! (Тут все посмотре́ли на Евдоки́ю Тимофе́евну.) Разреши́те поздра́вить вас с наступа́ющим Но́вым го́дом. А по слúчаю наступле́ния Но́вого го́да разреши́те предста́вить вам кра́ткий ито́г войны́... — доно́силось из рупора — нет, не из рупора, кото́рый держа́л в рука́х Пекерма́н, а из само́й Москвы́.

Тихо сиде́ли партиза́ны. Кто рот приоткры́л, весь пода́вшись вперёд; кто ру́ку щитко́м приложи́л к у́ху; э́тот уста́вился в одну́ то́чку и губу́ прикуси́л, а друго́й, сосе́д его́, положи́л ему́ ру́ку на ко́лено и да́же зажму́рился, весь обрати́вшись в слух, в оди́н лишь слух.

А Миха́йл Ива́нович Калі́нин говори́л им из Москвы́ го́лосом нема́ло пожи́вшего и мно́го на све́те повида́вшего му́дрого челове́ка, ве́рно зна́ющего, как да́льше всё пойдёт:

— Кра́сная Армия́ два́дцать дней наза́д перешла́ на ряде́ уча́стков фро́нта от акти́вной оборо́ны к наступле́нию на вра́жеские войска́...

С го́рдостью погля́дывали во́енные го́сти, моряки́, на хозя́ев, спасённых ими́ от смерте́льной бе́ды.

И вот ста́ло слы́шно партиза́нам то, чего́ не слы́шали они́ о́коло двух ме́сяцев: как четы́режды сыгра́ли в Москве́ над Кра́сной пло́щадью всем до сла́дкой бо́ли знако́мую колоко́льную мелодию́ куранты́ и уда́рили по́лночь часы́ Кре́мля. Но́вый год наступи́л в Москве́! Бамм!.. Бамм!..

Твёрдым, звонким солдатским шагом ступил он с Красной площади в мир, год 1942-й. Он шагал над страной, он пришёл в освобождённые города, перемахнул через линию фронта, туда, где его шаги слушали тайно, прижав ухом к чашечке припрятанного приёмника. Новый год был на земле! И здесь, под землёй, в каменоломнях Старого Карантина, куда теперь свободно втекали струи сладчайшего вольного воздуха, наступил Новый год.

Отозвавшись на новогодний звон кремлёвских часов, крепко сдвинулись над столом жестяные походные кружки, простёцкие зеленоватые стаканы из столовой Старого Карантина, самодельные чарки из консервных банок. Кружка о кружку, стакан о стакан — чокнулись и выпили, крикнув, подземные партизаны.

— С Новым годом, друзья-товарищи! Доброго здоровья товарищу нашему Сталину!

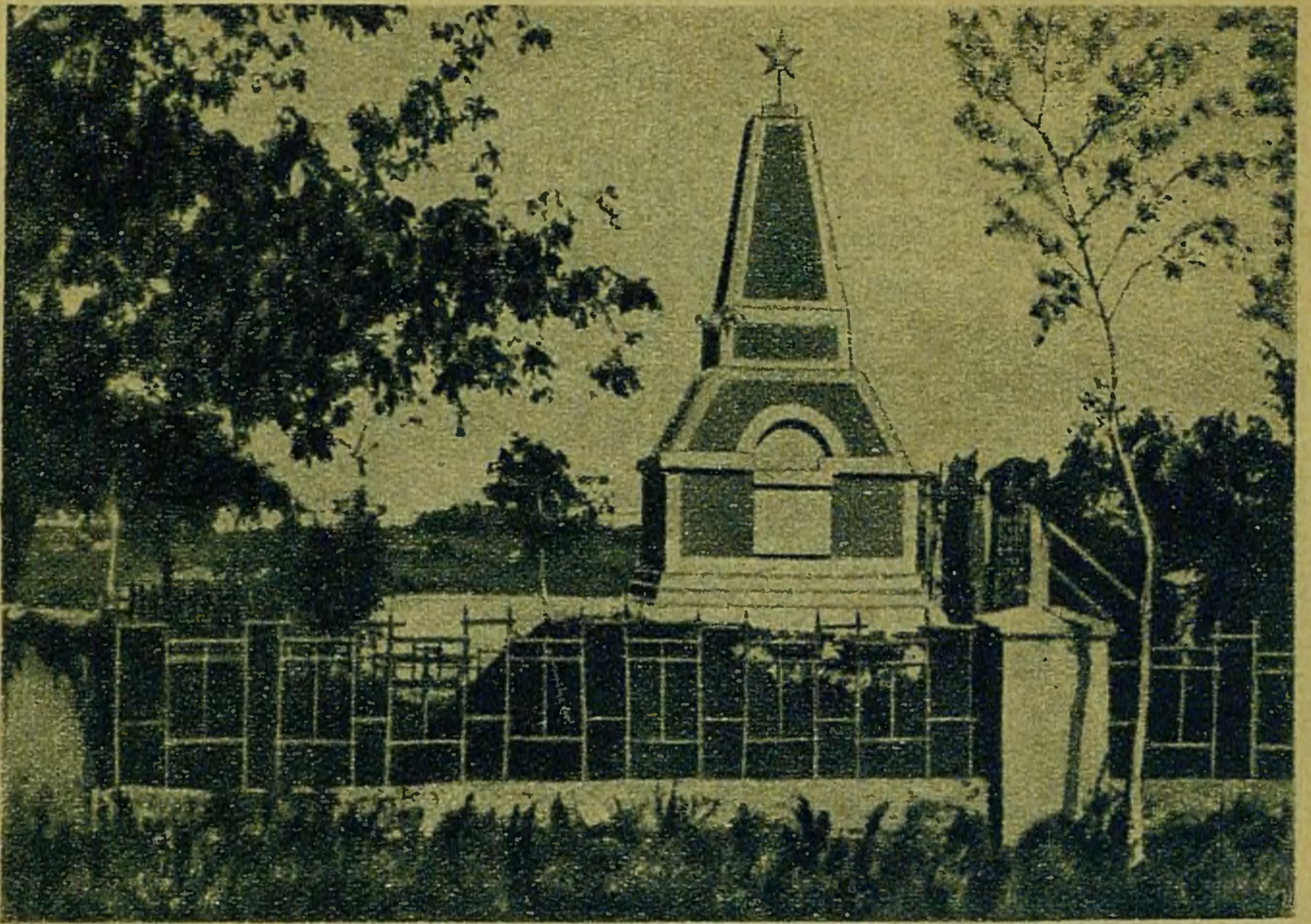
А когда было выпито и по второй и по третьей, опять взял слово Иван Захарович Котло. Встал он строгий, сумрачный, но чистым, ровным светом тронуло вдруг всё его широкое лицо.

И сказал комиссар:

— Не все те, кто делил с нами партизанскую нашу высокую долю, чья добрая дружба светила нам в подземной ночи, что тянулась без малого восемь недель, сели с нами за этот наш стол. Нет с нами первого нашего командира — товарища Зябрева, дорогого нашего Александра Фёдоровича. Не сидят с нами наши лучшие разведчики Влас Важенин и Николай Макаров. Нет меж нас Ивана Гавриловича Шустова и Пантелёя Москалёнко. Недолго пожил с нами молодой моряк Николай Бондаренко. Встанем, братья партизаны и товарищи гости, и каждый про себя, без лишних слов, выпьем в эту ночь за светлую их память!

Все поднялись молча и тихо стояли, потупив голову, медленно опуская, осторожно ставя на стол, чтобы не стукнуть ненароком в нерушимой тишине, свои кружки.

Когда все снова сели, командир отряда Семён Михай-

В парке Камыш-Буруна висится памятник на братской могиле партизан старокарантинского отряда.

лович Лазарев встал с большим листом крупно исписанной бумаги, надел очки и прочёл приказ — последний приказ по подземной крепости. Читал Семён Михайлович долго. То и дело все вставали, хлопали и тянулись чокаться с партизанами, имена которых вычитывал в приказе командир. Володя, сидевший возле матери, украдкой тоже выпил стаканчик вина. В голове у него с непривычки шла весёлая карусель, отчего ему было очень хорошо и всё время хотелось беспричинно смеяться. Поэтому он даже не сразу расслышал, как Лазарев прочёл, что за образцовое выполнение боевых заданий командование партизанского отряда представило командира группы юных разведчиков пионера Дубинина Владимира к награждению орденом Красного Знамени.

Батюшки, что тут началось! Все потянулись чокаться,

ста́ли подлива́ть и Воло́де, а Евдоки́я Тимофе́евна, обе́ими ладо́нями прикрыв Воло́дину эмалиро́ванную кру́жечку, тверди́ла, поворáчиваясь нале́во и напра́во:

— Ох, уж не на́до ему́! Он у нас к э́тому не приу́чен. Спаси́бо вам на до́бром сло́ве... Воло́денька, ты поблагода́ри как сле́дует това́рища командíра. Что ж ты молчи́шь?

Пионе́ры не переставáя крича́ли «ура́», пока́ дядя Грице́нко не посту́чал их легóнько по спи́нам, а кое-кому́ и по заты́лку тихóнечко приложи́л. Хотели́ бы́ло да́же кача́ть командíра ю́ных разведчи́ков, да, приме́рившись глаза́ми, уви́дели, что мо́жно срáзу зашиби́ть о ни́зкий ка́менный свод подземéлья.

А комисса́р сам подоше́л к Евдоки́и Тимофе́евне, чо́кнулся с ней, взял её ру́ку в свои́, задержа́л, не выпуска́я.

— Спаси́бо вам, Евдоки́я Тимофе́евна! Благода́рность от на́шего кома́ндования и всего́ отря́да! Хоро́шего сы́на вы вы́растили. Честь вам, хвала́ и сла́ва!

— Спаси́бо вам на до́бром сло́ве! — отвеча́ла Евдоки́я Тимофе́евна. Она́ вся раскрасне́лась от похвалы́, и така́я ми́лая, застенчи́вая красота́ вдруг залучи́лась на её уста́лом, трево́жно-ла́сковом лице́, что все залюбовáлись ёю. А Воло́дя мы́сленно вы́брал себя́, что снача́ла он не так ла́сково, как на́до бы, обоше́лся с ма́терью. — Спаси́бо вам, — продолжа́ла Евдоки́я Тимофе́евна. — То́лько ведь не я одна́ вы́ращивала...

— Да, я слы́шал, слы́шал. У вас муж молодё́ц, хоро́ший коммуни́ст, говоря́т. От отца́ мно́го зави́сит, э́то ве́рно. Но мать...

— Да ведь тут не то́лько мы с отцо́м. А жизнь-то, учё́нье, вла́сть-то вся советская на что? Ра́зве я без неё бы воспита́ла! Ведь он са́ми зна́ете како́й...

Воло́дя под сто́лом дёрнул её за плато́к, проворча́в уголко́м рта:

— Нашла́ то́же вре́мя!..

— Э́то, коне́чно, ве́рно, — засмея́лся Котло́, — с таки́м одной́ не упра́виться. Что пра́вильно, то уж пра́вильно! Призна́ться хотя́, скажу́ вам, я о́чень тихих то́же не жа́лую.

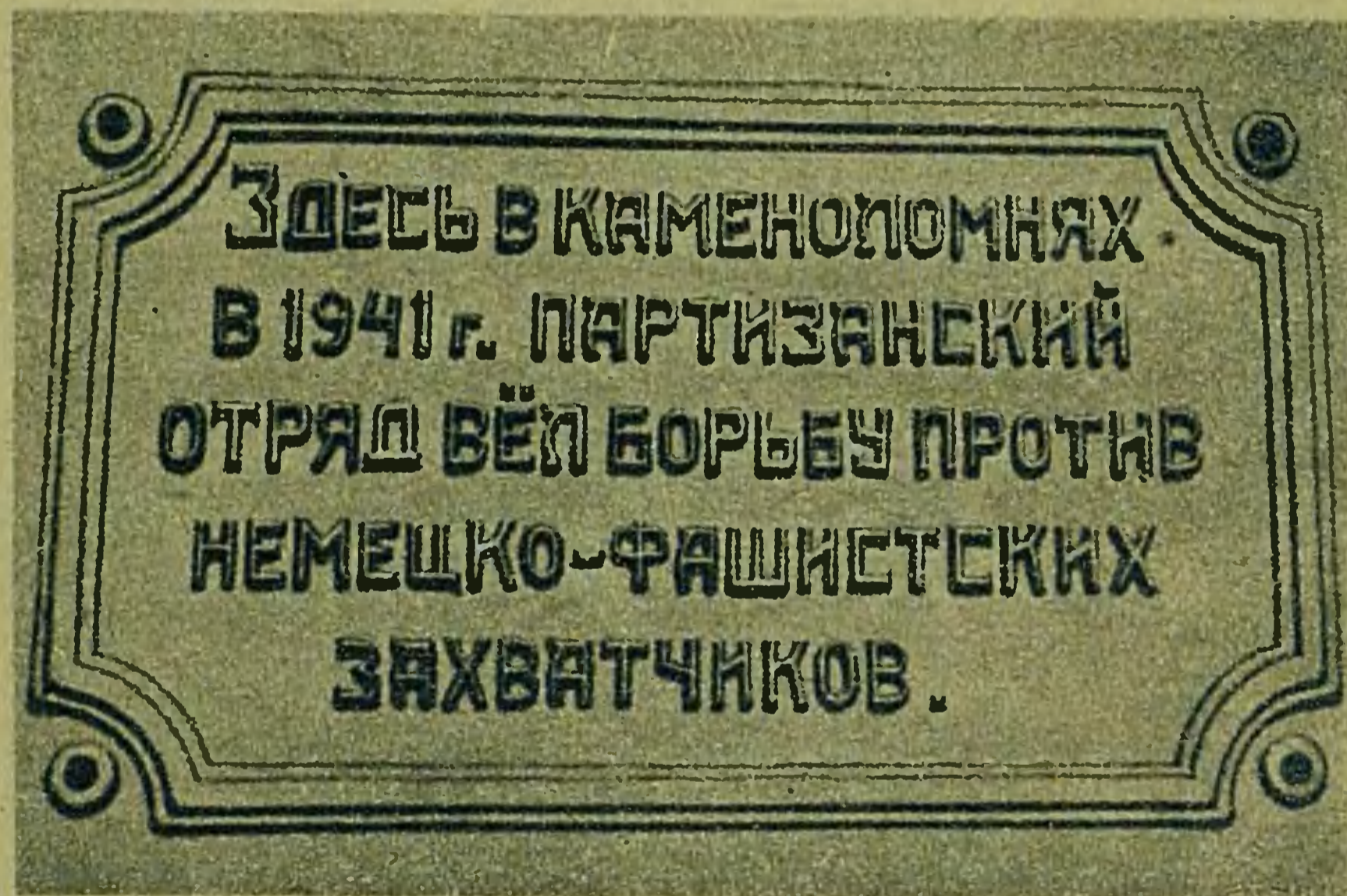
Мы сами народ не очень тихий: нас камнем завали, в землю закопай — и то сверху слышать!

— Да, уж видно, тихая жизнь не про нас, — вздохнула Евдокия Тимофеевна. — Вот я, даром что женщина, а в санпоезде на Гражданской служила. Там ведь и с Никифором Семёновичем, вот отцом его, встретила. И вот опять война.

— Нет, не для нас писана тихая жизнь, не для нас с вами, Евдокия Тимофеевна!

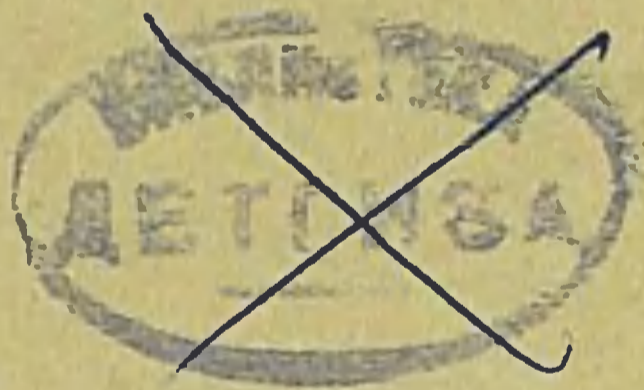
— А ведь будет когда-нибудь такая.

— Будет, непременно будет! — сказал комиссар. Он задумался на минутку и повторил: — Обязательно будет. Того ради мы вот с вами и встречаем Новый год тут. Чтоб мир настал во всем мире!.. Для всех добрых людей мир!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Володя Дубинин (предисловие)	5
Глаза́ и Уши	11
Погребены́ в ка́мне	30
Путь на́вэрх	41
После́дняя развѣдка	52
С Но́вым го́дом!	63

~~40590~~

Государственное издательство
детской литературы Министерства
просвещения РСФСР просит учи-
телей нерусских школ сообщить
свои отзывы о данной книге по
адресу: Москва 47, ул. Горького,
43, Дом детской книги.

Обложка Г. Позина

ФАБРИКА ДЕТСКОЮ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Москва, Сушевский вал, 49.

КОНТРОЛЕР № 28

При обнаружении дефекта в книге,
просим возвратить книгу вместе с этим
ярлыком.

28

1502

~~Цена 1 руб.~~

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор И. Пахомова. Художественный редактор
Г. Вебер. Технический редактор П. Беккер. Корректоры Р. Мишелевич
и А. Ясиновская.

Сдано в набор 7/IV 1951 г. Подписано к печати 6/VI 1951 г. Формат 65×92¹/₁₆ =
= 2,625 бум. — 5,686 печ. л. (4,06 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А05401.
Заказ № 2442.